

Томская областная
детско-юношеская библиотека

Когда приходит сказка?

Когда приходит сказка?

Стихи и проза
участников и гостей
литературной студии «Пегасик»

Областная детско-юношеская библиотека
Томск — 2003 г.

От составителя

...А сказка приходит, когда мы готовы её услышать. При любой погоде и при любом тысячелетье на дворе.

*"Сижу у камина,
А за окном
Метель завывает,
И ветер шумит,
Словно раненый зверь..." —*

самое время для сказки, которую услышала — и сумела рассказать! — девятиклассница Ира Банных. А у шестиклассницы Насти Ануфриевой есть стихотворение, которое я очень люблю:

*«Лужи. Хмуро.
День осенний.
Не смолкает дождь.
Ты, простой и совершенный,
По воде идёшь...» —*

очень точное, очень предметное описание... погоды? Или — чуда? К сожалению, Настя не захотела включить это стихотворение в сборник. Зато включила другое: о Боге, настолько уставшем и постаревшем, что вечное чудо, Им же Самим сотворенное, Ему кажется бранным и не чудесным.

Нет на свете ни колдунов, ни драконов, ни зачарованных замков. Почему? «Потому что всё это выдумки!» — ответит человек серьёзный, степенный, замотанный бытом, не готовый услышать сказку. Но восьмиклассник Сергей Гужихин знает, что драконы есть, просто они улетели. И он готов рассказать вам о том, как это произошло. А вы — готовы услышать?

Десятиклассница Лена Шомас честно, храбро и даже отчаянно взялась написать абсолютно реалистические рассказы, ни без каких выдумок. И получились чудные сказки о людях, не замечающих чуда. У меня, например, язык не повернётся назвать обыденными те события, что происходят с героинями. А у вас? Вы готовы услышать сказку, обитатели которой полагают её тусклой обыденностью?

Все знают, и, может быть, даже помнят, что и в зеркале, и в черном дождливом окне вечерней «маршрутки» можно увидеть небывалое: волшебную страну, иные измерения, прекрасных и неведомых существ... Но человек, забывший об этой возможности, увидит только себя. И тоскливо посетует на кривизну отражающей поверхности, которая злобно и преднамеренно исказила его, когда-то прекрасный, образ...

Кстати, о дождях.

Удивительные дожди собрались в этой книге! Они грустны, как и положено дождям, настырны и занудливы, порою — грозны, но...

"...серьёзные и важные профессора теперь с хохотом пробежали ту громадную лужу, что залила дорогу и которую нельзя обойти. Если наступить в эту лужу, её вода дойдёт до голени. Профессора смеялись и шутили. Иначе бы они выглядели глупо".

Это — дождь из рассказа девятиклассника Ильи Юшковского «Конец света». Не правда ли, у профессоров, действительно, есть чему поучиться?

Но чудеснейшее из чудес происходит в рассказе студентки третьего курса ТГПУ Ани Ляпковой. Это такое чудо, что я даже не знаю, какими словами его обозначить. Рассказ так и называется: «Дождь», и, на первый взгляд, нет в нём ничего, кроме тоскливого, холодного, бесконечного дождя, едва ли не единственное предназначение коего — вконец испортить каникулы бедной Натке, приехавшей отдохнуть к бабушке. Но почему-то удивительно тепло

читать об этой злобной непогоде. Наверное, не от показаний термометра, а от чего-то другого зависит ощущение теплоты... Это чудо, которое я не умею назвать, вы не сможете не заметить, читая рассказ. Ведь вы уже готовы услышать сказку?

Хотелось бы сказать о каждом из авторов — их в этом сборнике девятнадцать, и все разные, — но страничка кончается. Места едва хватит лишь для того, чтобы напомнить: это — уже третий сборник, включивший в себя произведения юных писателей и поэтов из литературной студии «Пегасик» при областной детско-юношеской библиотеке. Первый назывался «Подарок другу», второй — «Как хорошо быть слоном». А за эту книгу огромное спасибо не только авторам, но и учебно-производственной типографии Томского государственного университета и её заведующему Евгению Лаврову, который нашёл-таки и время, и возможность выпустить наш сборник накануне областного фестиваля детского и юношеского литературного творчества.

И последнее. Этой зимой студийцы побывали в гостях у детского литературного клуба «Свеча» в школе № 78 г. Северска. Рассказы и сказки четверых авторов из «Свечи» — Насти Кошельской, Юли Исаевой, Арсения Семёнова и Наташи Соловьёвой — вы тоже прочтёте в этой книге. Сказочники в «Свече» преотменные. Будьте готовы!

*Александр Рубан,
писатель-фантаст.*

Анастасия Ануфриева

* * *

Бог трубку выкурил степенно,
В углу потрескивала печка,
И всё ему казалось бранным,
Что было нестерпимо вечным.

* * *

Скрипка стихла. За портьерой
Снова шевельнулась ночь.
«Нам судьбу не превозмочь,
Уважаемый Сальери!

Надо знать любовь и страх,
Чтобы музыка играла,
Чтобы песня не смолкала
В холодеющих устах.

Так налью же я вина —
И забудем про печали,
И неведомые дали
Нам откроет тишина...»

* * *

Канул в Лету
Тихий вечер.
Снова Умер Бог,
И не сказать ни слова.

Будет это
Вечно... до рассвета.
Бог простит
Безумие поэта.

* * *

Поэзия живёт сто тысяч лет,
Кричит толпе, ниспровергает троны
Но только помни, дорогой поэт:
Пегас родился из крови Горгоны.

* * *

Обжигает холодом огонь,
Лёд пронзает нестерпимым жаром.
В тьму и вечность протяну ладонь
И навеки чьей-то тенью стану.

* * *

Иисус придёт поплакать
Над могилою Иуды...
На дорогах лужи, слякоть.
Всё бредут куда-то люди...

В неизвестность упираясь,
Разбиваясь о барьеры,
Знают, любят, умирают
И упрямо в счастье верят...

В никуда и ниоткуда,
Через грязь, канавы, слякоть...
Над могилою Иуды
Вновь придёт Христос поплакать.

* * *

Арабески гибких линий
В дикой пляске и круженье
Превратили в отраженье
Глубину небесной сини.

Мир разбит на сто осколков
Бесконечностью изломов.
Мир безумен... Да и только.
Это — скучно и знакомо.

Прочь ненужную реальность,
Мы ломаем сухость рамок,
Сотни бесполезных храмов
И пустующих причалов.

Блики бешено сверкают
В зеркалах и отраженьях...
И бессмысленны сраженья,
Если даже вечность тает.

И поломанное солнце
В дикой пляске тонких линий.
Это иней, просто иней,
Только иней на оконце.

* * *

Темнота — искушение света.
Пустота — содержание мира...
Мы услышим невнятным ответом
То, что есть, то, что будет, и было.

Вечность — доля слепых и бессмертных,
Время — выдумка слабых и зрячих...
Что ж, шагами Вселенную мерьте,
Нулевой километр обозначив.

Смерть — не точка, а лишь запятая,
Жизнь — любовь, бесконечность и жажда.
И весна без конца и без края
В этот край прилетела однажды.

Утро - это конец и начало,

Ночь — постскрипtum и увертюра...
Я с судьбою не доиграла,
Не дождавшись второго тура.

Заржавели от нот водостоки,
Плесневает, оскалившись, студень...
Боги тоже, наверно, пророки,
Поиграть захотевшие в судьей.

Одиссей

Я спасался повсюду от этой безоблачной сини,
Я искал серый камень далёкой забытой Итаки,
Но на картах давно чересчур уж условные знаки,
Не найдёшь ничего и не вспомнишь ни слова отныне.

Где-то там, впереди, оглушительно воют сирены,
И циклопы стоят над асфальтом беззвучно и вечно,
А корабль летит в неизвестность легко и беспечно,
Хоть готовы уже оборваться холодные вены.

Я сегодня усну, а назавтра продолжу скитанья,
Будут петь эти волны всё ту же безумную песню,
Только бронза мечей обернётся беспомощной жестью,
А изломанным хламом — заветные наши мечтанья.

* * *

Упала Вифлеемская звезда
В руины храма древнего Содома...
О ней напомним только лишь одна
Скупая строчка в книге астронома.

Вакханалии

Слава пьянству и безумству,
Слава богу, Дионису!
Радость, хмель и вольнодумство!
Прочь границы и кулисы!..

Слава пьянству и веселью!
Мы в вине не ищем истин!
Прочь, монах, из тёмной кельи!
Слава богу, Дионису!

Жизнь и смерть без ваших правил,
Без законов и без смыслов
Славим!.. Славим!.. Славим!..
Славим! Славим бога, Диониса!

* * *

Сегодня соколиная охота.
Под колпаком совсем не видно неба.
Его срывают. Снова быль и небыль

Сливаются в величии полёта.

Кружусь под голубыми небесами...
Сбежать от них за пелену тумана,
Где всё так чисто, сумрачно и странно,
Где мир окутан призрачными снами!

Вы говорите: «Хорошо приручен».
А вам-то что? Хватайте вашу утку,
Но дайте мне хотя б ещё минутку
Глядеть, глядеть на небо в серых тучах.

* * *

По дороге, избитой колдобинами,
Я иду. И мелькают автобусы.
Этот путь — не к величию Родины,
Эта трасса — лишь лента Мёбиуса.

Упаду на асфальт я в бессилии,
По спине — чьи-то ноги и шины...
Вижу мир в первозданной идиллии,
Псевдо-крепкой и нерушимой.

Я, вцепившись в стихотворение,
Соскользну по наклонной плоскости,
Но упасть не смогу. Утешение —
Эта трасса — лишь лента Мёбиуса.

Ирина Банных

Вамп

I

*Сижу у камина,
А за окном
Метель завывает,
И ветер шумит,
Словно раненый зверь...*

Сейчас зима, декабрь, тридцать первое (20 часов 20 минут). И сижу я не у камина, а за столом, но картинку на улице передала, в общем, точно.

За дверью звенят тарелками, разговаривают — готовятся к Новому году, а я должна здесь, в темноте сидеть (хотя для них я сплю) при наличии всего одной свечки. Но у всего на свете бывают положительные стороны: вот, вроде, получилось начало стихотворения, хоть я и не уверена, что его закончу.

Что ещё? Даже если подумать, ничего хорошего больше не вижу. К тому же, подул ветерок и задул единственный источник света. Я ругнулась и полезла в тумбочку за спичками.

Когда свеча снова загорелась, я увидела, что стихотворения на столе нет. «Должно быть, смахнула», — подумала я и полезла под стол. Под столом листка не оказалось, зато нашлась жвачка, которую оставила здесь моя любимая сестричка. Пока вылезала из-под стола, увидела, что листок спокойно лежит на тумбочке, а за свечой появилось нечто парящее и прозрачное. Не мудрствуя лукаво, я шлёпнулась в обморок. Когда пришла в себя, было уже часов девять. Нечто ещё было там, то есть, здесь, но я отреагировала уже спокойнее: села на стул и начала выдирать жвачку из волос. Когда оно заговорило, я опять почувствовала, что готова сползти со стула. Силой воли заставила себя оставаться спокойной и только тихонько взвизгнула. Прозрачному мой визг явно не понравился - он жутко скукожился и стал ещё более прозрачным. Мне стало его жалко, но тут на меня напала икота. Минут пять, поикав и поняв, что икота не прекратится, я просто встала и начала ходить по комнате. Вдруг нечто (о котором я уже успела забыть), подражая мне, взвизгнуло. От испуга я чуть не села мимо стула, зато икота прекратилась.

— Что, дальше в перевизги играть будем, или попробуем поговорить?

Пребывая в состоянии шока, я не сразу поняла, что мне сказали, и кто мне это сказал, поэтому ответила просто:

— А?

— Ага! — решило оно не церемониться. — Я тебя спрашиваю: дальше взвизгивать, как поросята, будем, или поговорим, как человеки?

— Ага! — Ответы мои были однообразно односложны.

— Чего «ага»? — Видимо, прозрачное не понимало моего юмора.

— Ага, поговорим, как человеки. Тьфу, то есть, как люди. — Кажется, я начала выходить из транса и мыслить более разумно.

— Меня зовут Вамп. Призрак Вамп, или просто Вамп, без призрака. — Кажется, моего нового знакомого ничто не могло поставить в тупик.

— А я Ангелина.

— Кто?

— Лина. Ну, и как тебя сюда занесло?

Почему-то мне казалось, что после этого вопроса он смутится и постарается побыстрее уйти.

— Да так. — Каким-каким, а смущённым он не казался. — Сыночка убежал через пространственно-временной портал, и я не знаю, в каком измерении он находится.

— А я здесь при чём? — Прочитанные сказки о героях, спасающих принцев и принцесс из других миров и измерений, моментально всплыли в памяти.

— Ну а ты оказалась в первом из попавшихся измерений.

— И что, теперь я должна тебе помочь найти сына?!

— Зачем? Я и сам справлюсь. — Вамп был удивлён. Видимо, в его измерении взаимопомощь была делом редким и недешёвым.

— Ну, как зачем? — Я не понимала его удивления. Во всех сказках пришелец жаждал, чтобы ему помогали. И то, что этот отказывается от помощи, меня несколько смущало. — Я тебе помогу, а ты потом меня наградишь.

Призрак рассмеялся. Это выглядело странно. Представьте червяка на дискотеке — вот то же самое. Я не выдержала.

— Ну, чего ты смеёшься? Во всех сказках пришельцы умоляют, чтобы им помогли.

Вот чего я не ожидала, так это его ответной реакции, — он чуть ли не по полу катался от смеха.

— Ты думаешь, что я король?! Вынужден тебя огорчить, я даже не принц. Я простой житель страны, которому ничего не стоит вырастить ещё одного сына. Нужно только успеть занять место на грядке и закупить удобрения. Просто к этому я уже успел привязаться.

Аккуратно придерживая челюсть и заикаясь через слово, я спросила:

— К-как удобрения зак-кунить? Вы чт-то, детей н-на грядках выращ-щиваете?

— А вы что, нет? — от удивления Вамп вытянулся.

— Да нет, вроде бы. А как вы их сажаете?

— Берём кусочек себя и, смотря, чем поливаешь, получается мальчик или девочка.

— Да, учти, — перескочила я на главную тему, — если ты меня с собой не возмёмшь, найду твои врата и сама пойду по измерениям гулять!

— Но это же опасно, ты можешь не выжить!

— Ух, обожаю страшно и опасности! Желательно в больших количествах!

— То есть, ты в любом случае туда полезешь?

— Ага! — радостно сообщила ему я.

— Ну, тогда делать нечего, собирайся!

Сборы не заняли много времени, так как Вамп запретил мне брать с собой что-либо — даже надеть тёплые вещи запретил. Я, естественно, не выдержала и начала возмущаться:

— На улице минус тридцать, ты хочешь, чтобы я замёрзла?

— А врата не на улице, — снова хихикнул он.

— Тогда почему мы их до сих пор не нашли?

— А вы не искали... — и Вамп рассмеялся, как от хорошей шутки. И почему-то у меня возникло жуткое желание его придушить.

Видимо, по выражению моего лица Вамп догадался о моём желании, моментально перестал хихикать и осторожно спросил:

— Ты решила остаться дома?

— С чего ты взял? Просто думаю, когда же, наконец, мы пойдём? Вамп молча подлетел к моему шкафу и, забыв открыть дверцу, скрылся внутри. Через несколько секунд из дверки вынырнула его голова и вежливо проворчала:

— Долго ещё стоять будешь? Или уже раздумала? После чего снова скрылась.

Я как можно быстрее дошла до шифонерчика и распахнула дверцы. Внутри никого не было.

— Эй, ты где?

На этот раз голова появилась из задней стенки.

— Здесь. А что?

— Как что? Я через стены не хожу, не призрак.

— А что, хотелось бы? Могу устроить. Шагай, не бойсь, врата перед стенкой, а не за ней.

II

Я закрыла глаза, шагнула вперед и... полетела вниз. Ох, до такого американским горкам далековато. Шлёпнувшись на что-то мягкое и пружинистое, я, наконец, открыла глаза и перестала визжать. Сидела я на матрасе, видимо, специально сюда положенном. А вокруг расстиралось поле с колышущимися обрывками чего-то прозрачного. Внезапно сверху показался Вамп. Когда он опустился полностью, я с тихим ужасом спросила:

— Это что?

— Где? — не понял Вамп, но, проследив за моим взглядом, понял, о чём я спрашиваю. — Это детки растут и ума набираются.

Поле радовало глаз своей бескрайностью.

— И... и сколько их здесь, деток?

— Мало, всего на один город. Поле квадратное, примерно 9 км в длину и в ширину. Мы где-то на середине. Следовательно, чапать нам ещё четыре с половиной километра. Или два дня. А ночью па полях ох как опасно!

Во мне проснулся успевший уже задремать проклятый героизм.

— Значит, мы ещё и с опасностями бороться будем? Вамп посмотрел на меня как на полоумную.

— Лин, тебе очень плохо? Здесь по ночам похитители детей ходят.

— Ура! Ночью не будем спать, поймем похитителя ребёнка знатной особы... — с минуту я с задумчивым видом молчала. Вамп, наверное, решил, что я совсем рехнулась и уже составляю план поимки, но, по правде сказать, я думала совсем не о том. Я думала, что же я такое сказала и как это понимать: то ли похититель будет ребёнком знатной особы, то ли ребёнка будут похищать? Всё-таки, мне больше понравилось второе, и я продолжила:

— А нам за это награду выдадут.

Вамп ошалело на меня посмотрел и снова расхохотался:

— Ты опять про награды? — еле смог он выговорить сквозь смех. — У знатных особ свои личные огороды с охранниками и злыми собаками.

Почему-то, когда я попыталась представить себе злую собаку - призрака, у меня ничего не получилось.

— А как они за своими хвостами гоняются? — задала я вполне логичный вопрос.

Вамп перестал смеяться и задумался. Потом, наверное, отчаявшись понять мой вопрос, переспросил:

— Кто гоняется за своими хвостами? Знатные особы, или охранники?

Тут расхохоталась уже я. И пока Вамп с удивлённым видом убеждался в моей ненормальности, я сидела (или лежала) и смеялась. Слегка успокоившись, решила ему объяснить:

— Собаки, естественно... — и снова захихикала.

— Ладно, Лии, ты не очень напрягайся. Но всё-таки, пойдём мы, или здесь до скончания веков сидеть будем? И так идти два дня.

— Как «два дня»? Мне к двенадцати дома быть надо!

— Понимаешь, в некоторых измерениях время несколько заторможено. То есть, в твоём измерении 10 минут, а здесь день проходит.

— Тогда чего же мы ждём?

Я спрыгнула с матраса, и мы потихоньку поковыляли на закат.

III

Когда солнце село, мы уже подходили к краю поля; до него оставался километр, не больше. Из-за того, что я не ела уже часа три, я была злой и начинала подумывать: «Может, начать питаться святым духом?»

Но святых поблизости не было, а единственный дух, парящий рядом, выглядел несъедобно. К тому же у меня болело всё, включая голову (хотя чему там болеть?!), и жутко хотелось спать. Поэтому у меня начались капризы:

— И долго нам ещё идти? Я голодная, больная и вообще возьму сейчас и усну на ходу. Тебе потом меня тащить придётся.

— Идти недолго. Можешь лечь и полежать, всё равно до утра никуда не придём. А с ужином тебе помочь ничем не могу.

Его спокойствие меня поразило. И я раскапризничалась ещё больше.

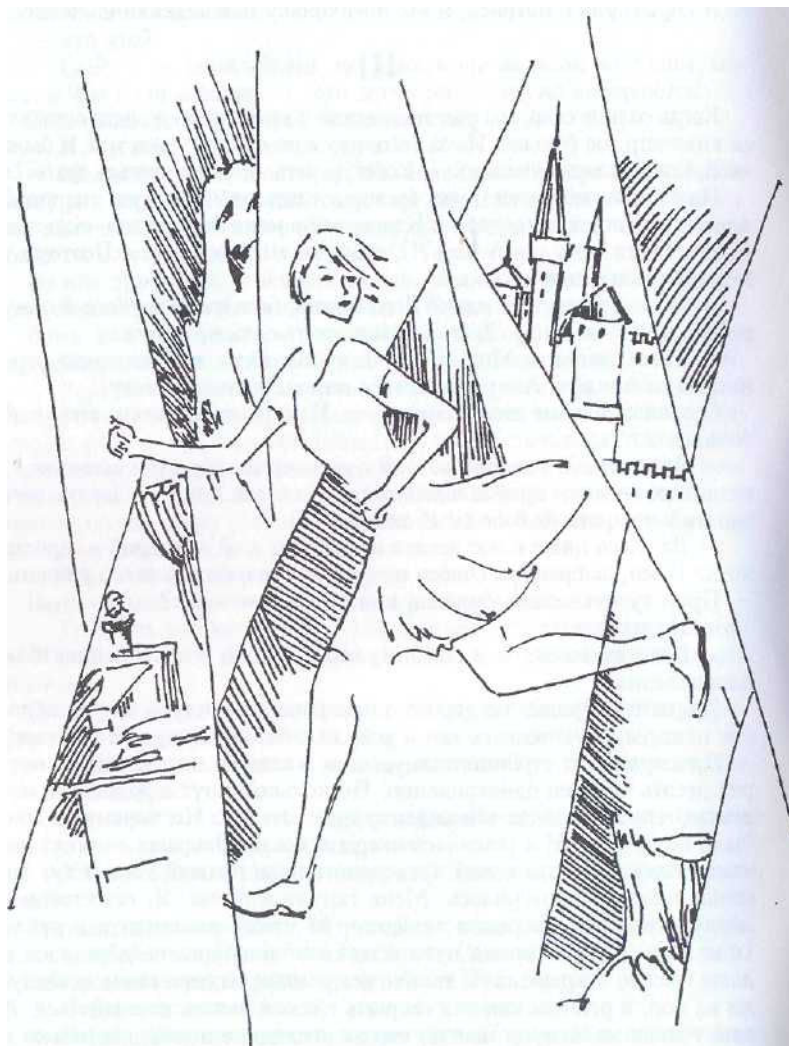
— Всё, дальше я не пойду! — Я села посреди дороги и посмотрела туда, где, по моим предположениям, находился Вамп. — Буду здесь сидеть, и умирать от голода! И холода!

— Да здесь ниже плюс десяти не бывает, а ей холодно! — прохотал Вамп, выпрыгнув совсем не оттуда, где я ожидала его увидеть.

— Прям туточки спать будешь, или отползёшь куды?

— Не знаю.

— Меня не терять — я пошёл гулять! — И он исчез в непонятном направлении.

Немного побродив по дороге и поворчав для виду, я нашла подобие пещеры, скукожилась там и уснула, мечтая о подушке и одеяле.

Проснулась от странного ощущения: казалось, что на меня смотрят десять человек одновременно. Несколько минут я лежала, в надежде, что вот сейчас наваждение прекратится. Но почему-то мне было не по себе. И я решила открыть глаза. Открыла — и тут же зажмурилась. Потом снова чуть приоткрыла правый глаз и тут же снова в ужасе зажмурилась. Меня ткнули в плечо. Я, естественно, дёрнулась. Меня оторвали от земли, на что-то взвалили и повезли (или понесли). Во время пути я лежала спокойно, не дёргалась и даже глаз не открывала. И только когда меня бесцеремонно шлёпнули на пол, я решила широко открыть глаза и начать возмущаться. А ещё у меня мелькнула мысль, что за последние полчаса я только и делаю, что возмущаюсь, но... Подумано —

сделано. Я открыла глаза — и почувствовала, как моя челюсть тихо скользит вниз.

Такого призрачного великолепия я не могла себе представить и даже в снах не видела. Именно призрачного, потому что и стены, и всё остальное просвечивалось насквозь.

— Чем вы можете оправдать своё поведение? — раздался голос откуда-то слева.

Я не оглянулась и не ответила. Я всматривалась и восхищалась.

— Чем вы можете оправдать своё поведение? — повторил голос. Нехотя повернув голову, я увидела Вампа, сидящего на троне.

Недолго думая (хотя чаще всего я вообще забываю это делать), я встала на ноги и побежала к трону.

— Вамп! Ух, шутник! Ты что, всё это время думал, как будешь меня разыгрывать, потому и смеялся всю дорогу? А сам говорил: не король, не король!

Вамп посмотрел на меня с опасением.

— Да не смотри так на меня, Вамп, или мне обращаться к тебе «ваше величество»? Неужели это всё твоё?

— Извините, — попытался перебить он, но не тут-то было.

— Извиняю! — на меня внезапно нахлынуло хорошее расположение духа. — Следовало бы на тебя обидеться, ну да ладно, я сегодня добрая!

— Простите... — снова попытался вступить он, но не так это было просто.

— Прощаю! Слушай, и долго ты всё это подготавливал? Стоп! А откуда ты меня знаешь, если мы только сегодня познакомились? — А! Ты знаком с моими родителями, и вы всё это вместе подстроили! А их ты откуда знаешь?.. А, наверное, вы учились в одном институте!

Тут я замолчала — так же внезапно, как и начала разговаривать. Я огляделась по сторонам и поняла, что глаза мои меня не обманывают. Вокруг меня и трона стояла толпа Вампов...

Ну и что мне оставалось делать? Тихо мирно шлёпнуться в обморок — ничего лучшего я не смогла придумать. Придуманно — сделано. В последний миг недопотерянного сознания, уже лёжа на полу, я успела подумать: «Если пол призрачный, то почему так больно?»

IV

Очнулась я в каком-то тёмном помещении. Сквозь подстилку из соломы чувствовалась сырость и жёсткость.

— Странно, — заговорила я сама с собой. — Почему темно? Ведь стены призрачные — по крайней мере, должны быть такими... А может, я лежу в своём шкафу, и мне всё это снится? Нет, в шкафу не так сыро... кажется. Наверное, меня, пока я была без сознания, перевезли в какое-нибудь измерение, где обитают люди, а не призраки... А может...

— Эй! — донеслось из-за решётки, которую я только сейчас заметила.

— Вами! — обрадовалась я. — Или ты не Вамп? Я в вас путаюсь... Слушай, Вамп (если ты Вамп), вытащи меня отсюда! Здесь холодно.

— Не могу. Эти стены призрако - непроницаемые, а значит, и человека - непроницаемые тоже.

— За что я здесь?

— Так ты не знаешь?

После моего невнятного «угу» он продолжил:

— Тебя рано утром нашли около ямки, из которой был ночью, выдернут призрачок. Точнее, тебя нашли в самой ямке и решили, что ребёнок перерезал. Такое иногда случается. С перерезанными детьми поступают так: полиют, а потом два дня не поливают, чтобы они высохли до нормального состояния. Тебя стали поливать, а ты начала драться и мать не убила нескольких призраков, не успевших вовремя стать неосязаемыми... Ладно, потом доскажу, охранник идёт.

— Вамп! — позвала я, но ответа уже не услышала.

— Готовься, скоро суд, — пробасил совсем другой голос из-за решётки.

V

Наутро дня следующего из-за решётки донеслось:

— Эй, ты, того-этого, давай собирайся!

Я обрадовалась, думая, что меня решили отпустить, аргументируя это просто: «Поняли, что я дура полная, и решили не связываться!»

Поэтому выходила я из камеры с хорошим настроением и даже позволила допинать себя до выхода. Перед дверью вежливо повернулась лицом к стражнику и вежливо сказала: «До свидания — надеюсь, не скорого!» И спиной вперед вышла из этого мрачного коридора.

Повернувшись, я поняла, почему у стражника вытянулось лицо: я была в зале суда. Именно так я его себе и представляла в кошмарных снах. Первым действием моим был неловкий книксен и несчастное «Здравствуйте!»

Мне знаком показали на стул, и я покорно к нему пошла. Пока шла, отметила, что смотрят на меня с некоторым удивлением.

— Может быть, вы прекратите улыбаться? — спросил меня один из судей.

Поняв, что губы у меня до сих пор растянуты в улыбке, я ещё сильнее смешалась.

— В чём я виновата? — спросила я, для себя уже решив, что, во-первых, шкуру свою продам недёшево, во-вторых, что буду прикидываться абсолютной дурой, что, в принципе, не трудно.

— Вас обвиняют в попытке убийства двух граждан нашего государства.

На память пришла одна реплика из фильма, которую я люблю повторять. И я завопила, одновременно вставая со стула и падая на колени перед судьёй:

— Не виноватая я, он сам ко мне пришёл!

Вам смешно, да? А мне было не смешно, когда на меня все уставились как на вконец ополоумевшую.

— Вам плохо? — поинтересовался судья.

— Нет, мне хорошо, ничего на свете лучше нету!

— Да она же невменяема! Кто пустил это... в зал суда? Она же здесь всех перекусает, выгнать вон! — И судья указал на дверь в другом конце зала.

Меня до этой двери дотащили и даже подопнули для скорости, и на улицу я просто выкатилась. Тут же из ниоткуда появился хихикающий Вамп.

— Т-тебе в цирк надо, такой талант пропадает! Я на него обиделась и отвернулась.

— Ну, и долго ты здесь сидеть будешь? Нам идти надо. Я поднялась и пошла.

— Нам в другую сторону.

Я развернулась и пошла в другую сторону.

— Далеко не уходи. Вон между двумя деревьями булыжник лежит — наступи на него и попадёшь в другое измерение.

Я подошла к камню, вздохнула поглубже, шагнула и оказалась на зелёной лужайке.

Был поздний вечер. Откуда-то справа шли люди. Что это люди, я поняла не сразу. У них не было ни фонарей, ни факелов. Когда они подошли поближе, я разглядела их мертвенно-бледные лица. «Должно быть, больные», — подумала я, а вслух спросила:

— Вы не подскажете, где я нахожусь? Они все одновременно повернулись ко мне.

— Ты находишься здесь, — вперёд выдвинулся молодой человек.

— А можно поточнее?

Юноша ничего не сказал, но показал на табличку, прибитую к дереву:

Техремское измерение

Жители: 0

Обитатели: 365

— Ты идёшь в наш город? — снова заговорил юноша.

— Да, скорей всего, мне нужно именно в ваш город, если нет посёлка или города поближе вашего.

— Здесь есть еще несколько городов, но они дальше, за нашим.

— А у вас есть гостиница или постоялый двор?

— Нет, но ты можешь переночевать у меня. - Я почувствовала, что краснею. — Да, забыл спросить: как тебя зовут?

— Лина. А тебя? — я решила последовать его примеру и тоже перешла на «ты».

— Меня Крофт. Так ты идёшь?

Я медленно и, пожалуй, даже неуверенно подошла к людям, и мы пошли в направлении севера (по крайней мере, мне так показалось). Вскоре показался город. Чуть позже я заметила еле видную дорогу и удивилась: люди шли не по дороге, а около неё. Я подумала, что с дорогой что-то не так, и тихонько на неё наступила. Ничего не случилось. За домами

виднелись какие-то посадки, вдоль домов не было видно ни одного фонаря. И непонятно откуда доносился слабый запах чеснока.

Через несколько минут мы подошли к замку Крофта. Он был слегка обветшалым, и от него веяло сыростью. Крофт проводил меня наверх и показал свободную комнату. Только я легла на кровать, как тут же меня начали дёргать за плечо.

VI

— Уйди, не мешай. Ну, отзынь ты от меня!

Толчки прекратились, потом нечто проорало мне в ухо:

— Подъём!

И я успешно проснулась. Вскочила и с испугом огляделась по сторонам.

— Где Крофт, замок и кровать?

Вамп посмотрел на меня с сочувствием.

— Не стоило тебе со мной идти.

Я не выдержала и накинулась на него:

— Да не сумасшедшая я, не психопатка! Дур-рак!

Я села на землю спиной к Вампу и уткнулась носом в колени. Потом вспомнила, чем можно доказать свою нормальность, и резко подняла голову. О радость, табличка была на месте. Я подошла к ней. Странно, надпись изменилась:

Техремское измерение,

Жители: 365 чел.

Обитатели: 0.

Теперь зачёркнуты «обитатели», а это уже интересно. То, что я псих, я знаю. Что дурная — тоже знаю. Но на память не жалуюсь. И вчера зачёркнуты были — жители, а не обитатели. Или мне это приснилось? Нет, я ясно помню мертвенно-бледные лица, такое не забывается.

Я обернулась. Сзади с озадаченным видом висел Вамп. Глядя в его удивлённое лицо, я чуть не рассмеялась и решила, что убеждать его в том, что я здесь уже была, просто глупо, поэтому перестала психовать.

— Мы в город пойдём, или до Нового года здесь торчать будем? Сказав это, я оглянулась на Вампа и пошла туда, куда вчера меня

вели больные. Вамп догнал меня, подлетев по воздуху.

— А откуда ты знаешь, где город?

— Во сне приснилось.

Когда мы вошли в город, меня снова охватило удивление: люди ходили ПО ДОРОГЕ, а их лица были загорелыми. Вамп подлетел к какому-то прохожему и что-то спросил на непонятном языке; прохожий ему ответил. Вамп подлетел ко мне, и мы куда-то пошли. Позже Вамп мне сказал, что идём к гостинице. Дошли. Сняли два номера. Когда мне отдали ключи, на брелоке светилось число 13. Моё несчастливое число, проверено. Поднялась в номер. Открыла дверь и ахнула: вся комната была оформлена переливами голубого и зелёного, у одной стены стояла громадная кровать, а у другой — шкаф с книгами. А ещё в номере было большое окно с широким и довольно крепким подоконником. На нём я и просидела до вечера. Смотрела на город, на лес за городом и не заметила, как уснула.

VII

Проснулась от ощущения темноты. Открыла глаза. Точно. Тёмный потолок, довольно холодно в комнате. Благо одеяло тёплое... Стоп. Одеяло. Я же заснула на подоконнике! А в данный момент нахожусь в кровати. Странно. Я села и только сейчас заметила, что все вещи в комнате слегка светятся. Стало быть, я в замке Крофта. Но как я сюда попала? И где Вамп? Мысли проносились у меня в голове со страшной скоростью. Около кровати стоял манекен, на нём висело свадебное платье. Интересно, что оно тут делает? Скрипнула дверь. Так, дверь

закрыта от меня занавеской, но тут кто-то есть. Стоит, затаился. Я набралась храбрости и спросила:

— Долго прятаться будешь? Выходи!

Из-за занавески выглянул Крофт, он был слегка сконфужен.

— А как ты догадалась, что это я?

При виде его по-детски изумлённой физиономии я вздохнула с облегчением и тут же начала возмущаться:

— Ты что, за мной подглядывал?!

— Я знаю, что за невестой подглядывать нельзя, но так хотелось увидеть, — ещё больше смутился он.

— За какой невестой? — опешила я.

— За тобой, естественно. Так и знал, что забудешь. Вот, — он протянул мне листок. — Это копия.

На листке было написано: «Я, Ангелина, согласна выйти замуж за Крофта. Данный документ составлен во избежание недоразумений, так как у меня проблемы с памятью».

Самое обидное, что на листке была даже подпись (моя) и стояла дата (непонятная): «13.13.13». Они что, сговорились?

— Это что? — спросила я у моего «жениха», ткнув пальцем в дату.

— Как что? Вчерашнее число, — удивился он.

Ну и влипла же я. Обязательно было попадать сюда именно в этот месяц!.. Вдруг Крофт странно оживился:

— Ладно, я уйду, а ты давай собирайся. Гости уже ждут, да и у священника лишнего времени нет.

Он вышел, а я бросилась к окну. Блин, пятый этаж, и зацепиться, чтобы вылезти, не за что! Придётся одеваться и идти — может, удастся сбежать так...

Зря я надеялась. Едва вышла из комнаты, будто из ниоткуда, возникли два стражника и вежливо допихали меня до зала, в котором я (даже подумать страшно!) должна была выйти замуж. Столько раз я грозилась родителям, что как только мне стукнет 18, выйду замуж и сбегу от них! Но мне же еще и шестнадцати нет, мне ещё жить да жить, а тут... Ладно, когда будут спрашивать моего согласия, скажу: мол, так и так, а замуж мне ещё рановато. Поэтому, мол, извиняйте и прощайте... Размечталась! Священник, пожалуй, даже не знал, что такое Библия. Начал свою речь с того, что брак — это узы, связывающие мужчину с женщиной, и тут же перескочил на "объявляю вас мужем и женой". И закончил странной формулой:

— Можете укусить невесту.

— Укусить? Куда я попала?

Вдруг Крофт повернул ко мне голову, и я увидела его жуткие клыки. Я огляделась. Клыки были у всех. Вампиры... И я сейчас стану такой же, а я не хочу, не хочу!

VIII

Сзади меня затормошили за плечо, я резко обернулась, свалилась с подоконника и с недоумением уставилась на испуганного Вампа.

— Ты чего так орёшь? — спросил он.

— Я? Тебя бы в комнату с вампирами!

— Тебе опять снились вампиры? — обеспокоено спросил он.

— Снились?.. Ах, да, ты же сам говорил, что это всего лишь сон!

— Да, я тут вчера узнал, что произошла накладка измерений, и ты умудрилась попасть на грань.

— На грань?

— Ну да! Днём ты в одном измерении, а ночью в другом.

— И... И как мне теперь из этого ночного измерения уйти?

— Очень просто. Нужно найти портал и выйти днём отсюда, а ночью оттуда.

— Но я не хочу снова к вампирам!

— Да успокойся ты, там время на месте не стоит. Когда ты проснулась здесь — исчезла там. Надеюсь, тебя не успели укусить?

— Да нет, вроде бы. — Я вскочила с пола и подбежала к зеркалу. Лучше бы я этого не делала. На меня из зеркала смотрело нечто с выпученными глазами, всклокоченными волосами и дрожащими руками. Но на шее не было даже следа от клыков. — Не-а, покусать меня не успели.

— Ну, ничего, ещё не всё потеряно! — мрачно пошутил Вамп.

— Я не хочу туда снова, мне там не нравится!

Я села на кровать, закрылась подушкой и зажмурилась.

— Уйди, тебя тут нет, это мне всё снится, сейчас я открою глаза и окажусь дома, на кровати, в платье нормального состояния.

Странно, но, когда я оторвала голову от подушки, первое, что я увидела перед собой, было лицо Вампа. Я не выдержала и разрыдалась.

— Никому я не нужна, всё бы вам меня кому-нибудь скормить!

— Лина, тебе же это самой нужно, иначе каждую ночь будешь туда уходить! - попытался успокоить меня Вамп.

— Ну и что, спать не буду, или круги чертить, не хочу туда! — не переставала всхлипывать я.

— Да тут и круг не поможет. Защитить-то он защитит, но, как только ты уснёшь, снова туда перенесёшься. Другое дело, что вампиры тебя не тронут. Но всю ночь видеть перед собой их взбеленные морды — занятие пренеприятнейшее...

Успокоилась я только через час. Потом мы ушли из гостиницы. Город оказался маленьким, и вскоре мы подошли к окраине. Вамп подлетел к какому-то пню и легонько постучал по нему. Потом позвал меня.

— Вот, смотри и запоминай. Видишь красный прямоугольник? Это сегодня единственные открытые на выход ворота. И те к добреньким ведут. В общем, слушай. Выходишь из замка к этой поляне. Три раза стучишь по этому пню и ищешь красный прямоугольник с большой розовой буквой «D». Если будет такой же прямоугольник, но зелёный, ни за что к нему не ходи — это перестраивающиеся ворота. Неизвестно, когда они перестроятся, и куда ты сквозь них попадёшь. Если красного прямоугольника с «D» не будет, ищи такой же синий и иди к нему. Ворота могут переключиться на выход... Всё запомнила?

Получив от меня утвердительный кивок, он продолжил:

— Выйдешь правильно — перестанешь прыгать по измерениям без ворот.

Вамп внезапно замолчал, внимательно прислушался, потом, резко вскрикнув: «Быстрее!», — пролетел в проём между берёзами. Я ничего не поняла. Но — не стоять же мне здесь одной? — тоже пробежала между берёз. Ничего не случилось. Наверное, я что-то сделала неправильно... Но нет, Вамп летит к городу (которого здесь только что не было). Я догнала его только у ворот.

— Придурок, ты, куда так бежишь?

— М-мне показалось, что за нами погоня.

— Да кому мы нужны?

— Ты, может, и никому, а вот я... Знаешь, как некоторые существа рассуждают? «Какая хорошенькая протоплазма, ути, пусик, иди к мамочке, будешь моим новым воротником, ой, оно еще и бегаёт, тем интересней...»

Я хихикнула, представив, какой из Вампа получится воротник. Он понял направление моей мысли и вздрогнул.

— А почему ты не хотел, чтобы мы сюда попали?

— Слишком сахарная жизнь. Все добренькие, хорошенькие, слова резкого не скажут, поступка плохого не сделают. Случайно на ногу наступят — будут до дома провожать и причитать: «Ой, какой же я плохой, на ногу наступил, побей меня, а то мне совесть покоя не даст...» День-два потерпишь, а через неделю загибаешься, хочется выбежать на улицу, пихнуть кого-нибудь в лужу и не извиниться, а ещё кого-нибудь просто обругать, проходя мимо...

— А где мы ночевать будем?

— Город обойдём, там монастырь есть. Вроде нормальные люди. Заодно и крест на ночь дадут.

Целый день мы шли до монастыря. Потом последовали беседы с настоятелем и тому подобной честию. Наконец нас устроили на ночлег. На шее у меня красовался крест, на поясе — водяной пистолет со святой водой.

Очнулась я там же, откуда вчера исчезла. Только сейчас тут было тихо. Я вышла из зала. Никого не было видно. Замок пустовал. Дверь на улицу я нашла сразу, постояла чуть-чуть около замка и почти потеряла драгоценное время. С боков бесшумно подходили тени, в последний момент я увидела мертвенно-бледные лица и выпрыгнула на дорогу. Вампирам сюда было нельзя (откуда я это знаю?). Я перестала волноваться, и пошла по направлению к поляне. Тени медленно двигались за мной и тоже не волновались. Скоро я поняла, почему: не доходя до городской черты, обозначенной посадками чеснока, дорога обрывалась... Что ж, придётся мне их мочить. Я отцепила от пояса водяной пистолет и честно предупредила:

— Кто подойдёт на десять шагов — стреляю святой водой!

Я уже почти дошла до посадок, когда один вампир решился и начал подходить ко мне. Я забыла про пистолет и завизжала. Вампиру, как и когда-то Вампу, мой визг не понравился. Ещё меньше ему понравилась доза святой воды, полученная сразу после воздействия ультразвуком. Больше никому не захотелось ко мне приближаться, и я спокойно дошла до изгороди. Жуткий запах чеснока...

Я благополучно добралась до поляны, нашла пень и даже успела запомнить расположение ворот, отмеченных красными прямоугольниками. Из лесу послышался протяжный волчий вой. Я обернулась и успела увидеть в кустах горящие глаза. Медлить было некогда, я прыгнула в портал. Где-то рядом, но уже в другом измерении клацнули зубы.

IX

Утром я обнаружила, что от платья откушен кусок. Вамп прилетел только к обеду, когда я успела облазить весь монастырь.

— Тебе нужно возвращаться, а то всего час до Нового года остался, — озабоченно сообщил он.

— Но ты же не нашёл своего сынка!

— Пока ты спала, я проверил ещё два измерения. Его нигде нет. Придётся растить другого.

Я ещё попыталась сопротивляться, но Вамп был непреклонен. По закону подлости первый же портал принёс нас в моё измерение. Может, это и к лучшему. Перемещение прошло удачно, и в 11 часов вечера я уже стояла в своей комнате.

Вот и всё, закончилось моё приключение, жаль, что Вампу не помогла, а так... Мы уже начали прощаться, как вдруг с моего шкафа свалился ещё один призрак.

Послесловие

Как вы уже догадались, это и был сынок Вампа. Как он сюда пошёл, мы не спрашивали. Отец немножко поучил его уму-разуму, а потом они ушли, предварительно пригласив меня отметить вместе следующий Новый год. Я сказала, что приду, но забыла спросить, как добраться до их измерения. У меня оставалось ещё полчаса, и я успела привести себя в порядок. Платье пришлось спрятать, чтобы потом незаметно выбросить: как я объясню родителям, почему на нём столько грязи и откушен край? Рано или поздно они всё равно всё узнают, но лучше позже, чем раньше. А пока можно считать, что всё кончилось. Ладно, всё хорошо, что хорошо кончается.

Кристина Будько

Гри-гри Трэтфэрк Третий

Ленка Силаева, десятилетняя рыженькая девчонка с карими глазами, просто обожает сидеть в большом старом кресле, укутавшись одеялом. Вот сейчас она взяла в руки книгу и забралась в кресло. Время от времени она покрепче закутывается в одеяло. Книга до такой степени заинтересовала Лену, что она даже не обратила внимания на то, что пришёл папа, и вся семья бросилась встречать его, так как при входе он крикнул излюбленное всеми членами семьи слово: «Сюрприз!». Обычно и Ленка принимает участие в гонках по коридору со старшей сестрой и младшим братом, но сегодня был не тот день. Лена ничего не слышала, а при слове: «Сюрприз!» только поплотнее укуталась в одеяло.

Братик Кирюша давно уже «исписал» Ленины тетрадки, сестра Лариса примерила новый костюмчик Ленки, который выпрашивала «только примерить» уже пятый день. Конечно, ведь Лариска старше сестры всего лишь на год!..

Вообще-то, в этом доме очень часто происходят детские ссоры, но сегодня все были заняты своими делами. Может быть, завтра Лена увидит «красиво расписанные» тетрадки, неправильно сложенный косном, и как следует ущипнёт Кириллу и хлопнет Лариску.

...До девяти ещё пять минут... четыре... три... А ровно в девять все дети должны быть в кроватях!

Без одной минуты Лена захлопывает книгу, Кирюша кладёт на место ручку, Лариса — костюм... а в девять они ложатся спать.

Лена повернулась на другой бок, закрыла глаза. Ей показалось? Или это наяву? Кто-то позвал её! Рядом никого нет... Лена летит среди звёзд! Звёзды и больше ничего!

«Лена! Лена!» — раздался голос.

Лена открыла глаза. Сестра и брат уже давно спали. Кто-то снова позвал её. И это был не сон!

— Кто это? — девочка осмотрелась и, подумав, что ей это только показалось, заснула.

...Вокруг летают бабочки... Лена идёт босиком по мокрой траве. Ярко светит солнце. «Лена!» — прозвучал всё тот же голос. Может это бабочки зовут её? И тут перед ней возникла огромная бабочка. «Лена», — сказала она вдруг маминым голосом. Девочка открыла глаза. Перед ней стояла мама.

— Лена, вставай, — повторила она.

После завтрака к Лене подошли Лариска и Кирилл.

— Знаешь, — сказала Лариса. — Мы слышали, будто нас кто-то звал по имени! Ты ничего не слышала?

Лене не хотелось говорить об этом, а наоборот - забыть. Но всё-таки ей пришлось сказать.

— Слышала, — спокойно ответила она.

Тогда Лариса предложила выяснить, в чём дело, для чего требовалось не спать всю ночь. Лена с Кирюшей согласилась.

Первая игра

Ребята очень волновались. Они ходили из угла в угол, то и дело, останавливаясь и обсуждая свой план.

Мама подбегала несколько раз к кому-нибудь из детей и, хватая их за руки, спрашивала о самочувствии, на что те только удивлённо смотрели на неё. А любопытная бабушка Ольга Семёновна старалась чаще сталкиваться с ребятами, чтобы хоть что-нибудь услышать. Она сразу заподозрила, что они что-то скрывают.

Когда пришёл папа, его встречали только мама и бабушка. Они хотели поскорее рассказать о странном поведении детей, которые в это время неотрывно смотрели на отца.

После ужина ребята стали волноваться ещё больше, ведь скоро ночь!

Бабушка, проходя мимо детской, где сидели ребята, услышала слово «ночью». «Вот теперь-то, — подумала она, — я всё разужнаю».

Бабушка решила, что ребята собираются куда-то пойти. Тогда она будет следить за ними, а утром зайдёт в детскую и скажет: «Ну, что, выпалились?» или: «Что снилось?»

Всё это бабушка продумала очень хорошо.

Но одно дело - продумать, другое — исполнить. Да к тому же Ольга Семёновна -- натура забывчивая и неорганизованная.

Ребята сидели в детской. Кирюша молчал. Он смотрел на девочек, и глаза его были серьёзные, что на него было совсем не похоже.

— Почему грустишь, Кирилл? — спросила Лариса.

— Боюсь, что засну!

Мы тебя разбудим, — Лена стала успокаивать брата, хотя и сама боялась этого.

— Нет! Вы специально не разбудите, чтобы я ничего не увидел! Я вас знаю! — казалось, Кирилл сейчас заплачет.

— Тихо, Кирюша! — Лариса попыталась успокоить его. Зашла мама, Лариса поспешно продолжала:

— Ты опять заснул? Тебе что-то послышалось?

— Что? Что? — спросила мама, которая не совсем поняла, что здесь происходит.

Лариса села так, чтобы Кирилла не было видно, и закрыла его рот ладонью.

— Он нечаянно заснул, — объяснила она. — Наверное, ему приснилось что-нибудь, вот он и кричит.

— Ладно, дети, уже девять, ложитесь спать! — мама посмотрела на всех и вышла.

— Фу, — вздохнула Лариса. — Чуть не попались!

— Из-за тебя, Кирилл, — добавила Лена.

— Это ты! Зачем ты закрыла мне рот? — Кирюша всегда искал виноватых, когда обвиняли его, и он понимал, что виноват сам.

Девочки молчали, они не хотели спорить с младшим братом. Ребята легли «спать».

Время шло, а таинственный голос не появлялся. Дети терпеливо ждали. «Тик-так, тик-так», — тикают часы.

Лена повернулась на другой бок, она смотрела на стенку, завешенную плакатами.

— Лена! — позвал её Кирилл. Девочка обернулась.

— А если он придёт, только когда мы заснём? — брат сквозь темноту таращил глаза на сестру.

— Не знаю, — Лена тоже смотрела на брата. - Вдруг — правда? Лариска!

— Что? — Лариса нечаянно задремала.

— Вдруг он придёт, только когда мы уснём? — повторил Кирилл.

— Кто он? — не поняла Лариска.

— Кто! кто! - разозлился мальчик. — Голос!

— А-а! — вспомнила сестра. «Лена!» — раздался знакомый голос.

— Слышали? — спросила Лена. «Кирилл! Лариса!»

— Он! он! — радостно воскликнула Лариса.

— Кто это? — спросил Кирюша, который от страха забрался под одеяло.

— Гри-гри Трэтфэрк Третий!*

* Продолжение, конечно, следует, но... Во-первых, сказка (т.е., фантастическая повесть, как вы, наверное, догадались) ещё не закончена, во-вторых, напечатать мы могли лишь небольшой отрывок, а в-третьих, если уж обрывать — так на самом интересном месте.

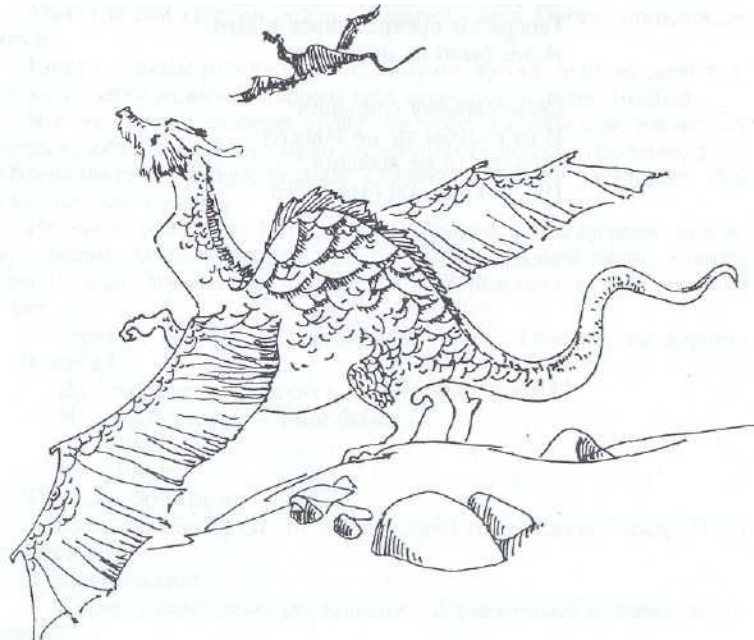
Сергей Гужихин

Драконы улетают

Драконы покидали свои пещеры, где жили сотни поколений драконов от самого сотворения мира. Со скал взмывали в небеса сотни драконов — от самых старых до только что вылупившихся. Не умеющих летать несли на спинах. Сбившись в один большой клин, драконы летели на восток, в край сумрачного Алиора.

Некогда плодородный, край драконов теперь был мрачен и безлюден. Драконы летели в плодородные земли, богатые стадами и людьми. Они стремительно проносились мимо цветущего Найдрата, лесного Алгонора, пустынного Винтонга и других краёв.

Увидев столько драконов, люди хватали оружие и прятались в домах, некоторые неистово молились. Но драконам не было дела до жалких людей. Величественные драконы скрылись в облаках. Так и пропали гордые драконы, покинув сумрачный мир, но многие люди спустя века всё ещё с опаской поглядывали в небо, не понимая, чего же именно они боятся.

Кирилл Камнев

* * *

Удар, удар, ещё удар!
И ты летишь, как мяч в футболе.
Удар, удар, ещё удар!
Удар судьбы. И поневоле
Летишь за ринг ты и, упав,
Весь корчишься от боли.

Судьба - злодейка за тобой
Спускается с помоста.
Ты проиграл ей этот бой,
Она же радостно смеётся.

И давит тебя взглядом злым.
Ты спорил с нею слишком часто.
Теперь ты превратишься в дым,
И это было не напрасно.

Свою свободу сохранил
И от судьбы ты не зависел.
Хоть ты её не победил,
Но, умирая, ты был весел.

Анастасия Кошельская (Северск)

Сказка про новую жизнь Кощея и Яги

Жила-была Яга с Кощеем Бессмертным в лесочке, веселья не знали. Скучали, скучали, решили на рыбалку сходить. Взяли удочки, накопили червей и пошли. Вытянула Яга золотую рыбку, а она и говорит:

Вы чё, старые, с головой поссорились? Я себе сплю, а ты, Яга, мой сон потревожила, ловить меня вздумала!

А Яга жалуется:

— Надоело в лесу торчать, в город хочу. А рыба и говорит:

— Ладно, отправлю вас в Москву.

Махнула она хвостом, а Яга с Кощеем уже в Москве прохлаждаются.

Кощей «новым русским» стал: лимузин купил, цепь на шею толстую, печатку золотую, хомы себе отгрозил, магазин открыл.

Яга по крутым салонам ходит, на «Мерсе» катается, косметику купила, юбку кожаную, туфли на каблучках. Ногти отрастила, зубы «Блендаметом» чистит, волосы «Хэденшолдером» укрепляет. Всё классно, как у людей.

Но как-то раз, когда Кощей смотрел видак, а Яга принимала ванну с пеной, раздался звонок в дверь. Открыл Кощей дверь, а перед ним Ванька Дурак с автоматом стоит. В кожаной куртке, жвачку жуёт.

— Привет, братан, — говорит Ванька. — Говорят, ты хорошо устроился?

— Да, неплохо, не жалею, — отвечает Кощей.

— Ну, раз неплохо — гони бабки.

— А ты кто?

— Я - Рэкет!

Тут выходит Яга из ванны.

— Ванечка, сынок, ты что, с телевышки упал? Какие бабки? Одна я тут бабка!

А Ваня отвечает:

— Какие, какие! Зелёные, конечно. Деревянными можешь печку топить!

Кощей с Ягой говорят:

— Ваня, за что ты нас так грабишь? Мы же мирные москвичи. Живем тихонечко, никому не мешаем.

Построили магазин на моей земле — теперь платите. Сами Василиску разбаловали: то ей шубку норковую, то шапочку чернобурковую, а теперь она на Канары отдыхать ехать хочет. Сил моих уже на неё нет. Так что будете каждый месяц платить. Ушёл Иван, а Кощей и говорит:

— Поехали, Ягуся, восвояси. В гостях хорошо, а дома лучше. В свой лес хочу. Там мне и Ванька не страшен.

Приехали они в лес, и стало всё по-старому — Яга на ступе по лесу летает, Бессмертный яйцо стережёт. И поняли они одно: что лучше дома — ничего нет. Где родился, там и пригодился.

Алексей Куцевич

Будь готов

Жалуйся, пой, будь готов к удару,
Но не разбивай никому лицо.
Будь готов ко всему, пропадая задаром,
И постарайся не быть подлецом.

Когда ты поймёшь, что ты многое можешь,
Ты вспомнишь всё то, что не хочешь менять.
Будь готов к тому, что ты голову сложишь —
За что — никогда никому не понять.

Бей стену лбом — он от этого крепче.
Не трогай его — оно будет вонять.
Будь готов — ты врагом на всю жизнь обеспечен,
Ты сам себе враг, это нужно понять.

Прости своих ближних за ссоры и сплетни,
Выкинь из глаза бревно навсегда,
Протри свою душу от ныли столетней,
Пойми, что не выход — спирт и вода.

Будь готов моментально остаться без дома,
Но пока есть крыша над головой,
Оцени всё то, что тебе не знакомо,
И - будь готов к катастрофе любой.

* * *

Дурацкая жизнь, где всё надоело.
Безумная ночь, и нет ей конца,
Вновь сердце натужно в груди закрипело,
И вновь голова — как изба без венца.

Мысли гнездятся в мозгу «белым шумом»,
Пытается вырваться одна из идей.
Зачем-то любил — и опять передумал.
Мне страшно и грустно не думать о Ней...

Я Ей прочитал все то, что я мог,
Я плакал, молил — но не слышат меня.
И я сомневаюсь в том, есть ли где Бог...
Но если он есть — пусть спасёт от огня.

Есть исповедь, карма, сансара и свет.
Есть красивое слово «нирвана»,
Религия «Дао», полуночный бред
И абстрактнейший миф про Ивана.

Простит ли меня тот седой старичок,
Что милостыни не дождался?
Ты спроси: «Почему?» — но об этом — молчок.

Я весною тогда наслаждался.

...Кто-то странный умело, угрюмо молчит,
Скрывая, что он рядом с нами...
А сердце упрямо стучит и стучит,
Забывтое всеми богами.

Дождь падает, вновь разбиваясь о землю,
В такт ему истекает слезами душа.
Я не слушаю дождь — его гласу я внимлю.
На душе — лишь любовь, за душой — ни гроша.

* * *

Я не скажу тебе о многом,
Я умолчу о слове «Вечность»,
Как, начинаясь за порогом,
Дорога вьётся в бесконечность.

Сцепляясь с тысячами судеб,
Как Млечный Путь, рассекший небо,
Тропинка жизни длится будет
Неприхотливо и нелепо.

И ты идёшь своей тропой,
Заглядывая встречным в лица,
Весьма довольная собою,
Идёшь — моей любви убийца.

Ты не разбила ничего,
Нет, моё сердце бьётся ровно
Лишь вдалеке, и оттого
Грусть безутешна и огромна.

Я не скажу тебе о многом —
Зачем? Смущать тебя не стану.
Безумно больно — не быть Богом,
А человеком — слишком странно.

Но: быть, не быть? В себе закрыться?
Нет рядом мудрого шута...
Да и на роль больного принца
Я не гожусь... Идти? Куда?

Моя тропа петлять устала
В миру фантазии убогом
И, хоть сказать хочу немало —
Я не скажу тебе о многом...

* * *

Небо горько и коротко всхлипнуло
Всей статичностью облака серого.
Мне казалось: меня ты окликнула...
Мне казалось. Тебя рядом не было.

* * *

Температура ночью опустилась —
В замёрзшее окно не видно звёзд.
И лишь кусочком лета в лампу билась
Ночная бабочка - как пепел дымных грёз.

Ветхозаветно - мудрый отсвет месяца
Раскрасит серебром сиреневость окна.
По лунному лучу, словно по лестнице,
Идет Пилат навстречу Иешуа.

Так до скончания веков продлится ночь,
И над Ершалаимом вечно будет тьма
А Маргарита Мастеру подарит дочь...
Но нет — им вечность на двоих дана.

Миссир с улыбкой мудрой отвернётся —
Всё кончено, все заплатили по счетам...
Закроет книгу, и с реальностью столкнётся
Тот, кто роман впервые прочитал.

* * *

Скорее! Прочь! Уходим - дай мне руку.
И не понять — зачем — им никогда.
Луна - осколок, мчащая по кругу
Нас манит в ночь исчезнуть навсегда.

А город злился, глядя жадно в спину,
Стрелял автомобилями в висок,
Хромой судьбой, накладывая шину
На сердце, вырвав предварительно кусок.

Нам радостно - тревожно было вместе,
Мы молча шли куда-то в пустоте,
Храня слова в их первозданной чистоте
И город отказался вдруг от мести,
А мы — мы растворились в темноте...

* * *

Время беспомощно, тихо кончалось,
Не заживляя душевные раны,
Время будильником сбитым кричало...
Сквозь трещины век наливалась в стаканы

Слеза безутешности, гордости глупой.
Так муторно жить, как свеча, догорая,
Над временем плакать, над каждой минутой
Лишь кажется: жизнь без конца и без края...

Но всё же куда-то уходят друзья,
Куда-то в бездонное синее небо...
И я бы за ними, да рано, нельзя...
По собственной воле — нельзя

и нелепо.

Юлия Исаева (Северск)

Комар

Комара мне на день рождения подарила тетя Тася.

Этот был месячный щенок — чистокровная овчарка с черно-серой пушистой шерсткой. Ко мне он быстро привык, а когда хотел гулять, начинал кружиться возле моих ног, как комары летом вьются над человеком и жужжат. Потом тоненько скулил. За это и получил кличку — Комар.

Долгое время щенок был неразумным, доверчивым и ласковым. Но мы не тратили время даром: обучали его важным командам, фокусам и трюкам.

А гулять Комар обожал! Сколько радости находил он в малейшей возможности стремительно пронестись по двору или обнять лапами соседского щенка и покататься с ним по траве, игриво покусывая своего друга. Но во многом маленький пес не разбирался. Однажды мы вышли на вечернюю прогулку. Комар носился по двору с палкой в зубах, и вдруг увидел гордого пекинеса. Бросив палку, веселый щенок подбежал к собаке, обнял его лапами и покатился с ним по песку. От негодования пекинес зарычал. Он был недоволен, что какой-то щенок, еще совсем молодой, унижает его, валяя в песке.

Пекинес рассердился и куснул Комара за плечо. Этот укус был вовсе не шуточным. Мой щенок взвыл от боли. Я поспешила ему на помощь. Оттолкнув собаку, взяла Комара на руки.

Подошла хозяйка, шлепнула пекинеса перчаткой, дернула за поводок и вскоре ушла.

А Комар не понимал свою ошибку. Он не знал, что значит укусить в шутку взрослую гордую собаку. Ему казалось, что он с ним просто играл, играл по-детски, что он - такой же щенок, как и его друг Валет.

Дома же Комар делался умным и послушным. Делал только то, что велено, но иногда мог и пошалить.

Однажды мама купила колбасу и положила на стол. Когда все вышли из кухни, он запрыгнул на стул и стянул колбасу со стола. Быстренько проглотил и разлегся посередине кухни.

Мама вошла. Он приветливо махнул ей хвостом и сделал вид, что спит. За то, что он оставил нас без ужина, его заперли в чулан. Он долго выл и отчаянно скреб дверь лапой.

Когда ему исполнилось шесть месяцев, он стал рослым псом с широкой грудью, шерсть его была не длинная и не короткая, но из пушистой седовато-черной она превратилась в гладкую, блестящую, чисто-черную. Уши стояли торчком, лапы казались огромными, крепкими. Он носил на шее упругий кожаный ошейник с железными заклепками. Каждый день я замечала, как Комар становился ловким и сильным, ему вес больше нравилось бегать по улице с поводком и играть со мной в догонявши. Я отмечала, что его благородство по отношению к пекинесу не имело границ, потому что он заключил с ним мир. И теперь во время прогулки он не бросался с громким лаем на него, а только пытался лизнуть его в грозную мордашку. Когда наступило лето, мы отправились вместе с Комаром к бабушке в деревню. Он сразу стал изучать запах других собак на столбах. Подходя к каждому столбу, он обнюхивал его, пытаясь определить, кто здесь уже был.

Ему хорошо и вольно жилось в деревне. Он, как и мы, спал, гулял. Утром, перескочив через забор, обнюхав столбы, нападал на чей-то след и бежал по нему до самого конца. Он мог полдня бежать по следам какой-то резвой собаки, так и не встретив её. Фыркнув, он возвращался назад по своему же следу.

Утром все повторялось. Но однажды его нюх привёл к этому псу. Он определил его по запаху. Это был странный на вид пес, рыжий и поджарый.

Его вид напоминал не то волка, не то ирландского сеттера. Но это была овчарка и, как мы выяснили впоследствии, вовсе не пёс.

Комар привел её домой. Её называли Динкой. Она была красива и сильна. Наш Комар заигрывал с ней, как щенок, и к концу лета у Динки родились щенята, чёрные и рыжие, а один

— рыжий с чёрной спинкой. Было восемь щенят. Мы раздали их ребятишкам из соседней деревни. Только рыже-чёрного бабушка оставила себе. Назвала его Дружком.

«Пусть Динка щенят приносит! — говорила она. — Комара-то ведь вы увезёте».

Что верно, то верно. Увезли мы Комара из деревни к осени.

Анна Ляпкина

Дождь

Звук возник неожиданно. Больше всего он походил на шорох накатывающейся волны. Натка замерла на пороге домика, не понимая, что происходит. Шум стремительно приближался. Потом Натка увидела разом нахлынувшую стену дождя. За какой-то миг косые струи достигли соседнего участка и вот — уже хлещут по крыше домика. Порыв ветра ударился в Натку, словно не заметил её на своем пути. Натка вмиг озябла и с тихим писком метнулась через порог, поспешно захлопнув за собой дверь. По крыше дробно барабанило — будто сотни маленьких ботиночек отплясывали чечётку. За окнами каскадами лилась вода.

Домик окутал Натку теплом недавно натопленной печки. Натке показалось, что на плечи ей накинули пушистое одеяло. Досада на внезапную непогоду понемногу угасала.

- У-у, гадость, — всё же выдала она в пустоту. Дождь, словно приняв это на свой счёт, загрохотал с утроенной силой.

- Стучи, стучи, — пробурчала Натка. — А мне и дела нет. Она демонстративно взяла с печки ещё горячий чайник и от души наплескала в чашку ароматного, полного всяких трав варева, приготовленного дедом — большим любителем чая. Натка присела на топчан. Струи дождя хлестанули по стеклу — с легко улавливаемой досадой. Натка усмехнулась и не удержалась — продемонстрировала в окно язычок. А вот, пусть позлится. Сколько можно нервы портить из-за плохой погоды?

Дожди и впрямь лили, почти не переставая. Будто небеса очень долго терпели, крепились, держали в себе влагу, но она всё равно нашла лазейку. Иногда дожди просто занудно моросили с утра до вечера с краткосрочными перерывами. Иногда они затаивались: давали людям некоторое время порадоваться яркому солнышку, а потом устраивали целые представления с грозой и молниями.

Бабулю эта постоянная сырость огорчала. Когда Натка только-только приехала, она вздохнула:

— И за что нам такие напасти? Зальёт огород...

— Ну и пусть, зато поливать не надо, — лягнула Натка, уверенная, что погода скоро восстановится и можно будет вдоволь позагорать на бабулином мичуринском. Бабуля её оптимизма не разделяла.

— Зальёт все кругом, а толку никакого. Уже вред один.

Натка только плечами пожала и была весьма удивлена, когда бабуля вечером принялась собираться на мичуринский.

— Ещё зачем? — удивилась Натка: дождь хоть и кончился не так давно, но погодка стояла не ахти. Не позагораешь. Так зачем же, спрашивается, на мичуринский тащиться, грязь месить?

— Но-но, — шутливо погрозила ей пальцем бабуля. — Вот ещё свалилась лентяйка на мою голову.

Натка начала подозревать, что каникулы не зададутся. Л ведь она их так ждала.... И с чего она согласилась загубить лето в каком-то несчастном ПГТ? ПГТ - это такой поселок городского типа. Чтобы обойти его весь, не понадобится и полчаса. А всех развлечений - несколько магазинов, да старушечьи посиделки на лавочке у подъезда, по вечерам. А всё коварные родители. «Езжай к бабушке, сто лет с ней не виделась. Заодно на мичуринском позагораешь и ягоды наешься»...

Вскоре Натка обнаружила, к своему неудовольствию, что на мичуринском можно не только загорать, но и получать иные удовольствия садомазохического толка, загрузив себя всякой работой. Кто бы мог, например, подумать, что собирать такую вкусную (любимую почти до поросычьего визга) викторию окажется настолько нудно и неприятно! Натка промочила ноги, отыскивая в пожухлой листве набухшие и расползающиеся в пальцах от переизбытка влаги ягоды. Вдобавок выяснилось, что не одной Натке правится лакомиться викторией. То и дело попадались обкусанные экземпляры. Причём, чем крупнее и красивее

казалась ягода, тем сильнее она бывала обжѣвана неизвестным нахалом. Натка пребывала в недоумении, пока с листа ей на ладонь вместе с очередной викторией ни шлёпнулось нечто бесформенное, серое и скользкое. От неожиданности Натка брезгливо замотала обеими руками, растеряв всю ягоду, и едва не шлёпнулась в мокрую листву. Липкая мерзость словно приросла к коже. Когда доведенная до брезгливого попискивания Натка, наконец, избавилась от налипшего чуть шевелящегося комка, бабуля стояла рядом и добродушно хохотала.

— Слизня испугалась? Вот страх-то, ага.

Натку аж передѣрнуло. Как ни тянуло её полакомиться свежей ягодкой, но чувство омерзения побороть так и не удалось. Грядки с викторией она обходила стороной и была просто счастлива, когда, наконец, подошло время возвращаться домой.

В следующие дни Натка чѣтко уяснила, что мичуринский — то ещѣ удовольствие. Он требовал ежедневного посещения. Всякий раз бабуля находила уйму дел, одно другого противней. Сперва выяснилось, что давно пора бороться с разросшимися из-за дождей сорняками. И Натке пришлось бегать с вѣдрами, полными травы, из одного конца мичуринского в другой — до ямы, специально предназначенной для всяких таких сорняков, которые потом ещѣ использовались как удобрение. Затем пришлось лазать в колючем малиннике, из дебрей которого Натка выбралась только через час, похожая больше на чучело, чем на человека. Наконец в один прекрасный день, когда дожди прекратились, предоставив людям порадоваться солнечной погоде, картошка покрылась пѣстрой сыпью, оказавшейся при ближайшем рассмотрении лоснящимися жирными гусеницами.

— От же повылазили, черти полосатые! — досадливо покачала головой бабуля, хотя гусеницы были не полосатыми, а вовсе даже розовыми в крапинку. — Свалились на наши головы. Второй год от них спасу нет. А раньше-то и знать не знали ни о каком колорадском жуке — как хорошо было. И откуда только их к нам занесло?

Она сходила за толстенной бутылью с плещущейся на дне жидкостью и принялась аккуратно стряхивать личинки внутрь. Натка, не решаясь даже касаться такой отвратительности, стояла на дорожке между грядками и наблюдала за бабулиными манипуляциями. Та между делом продолжала свои размышления:

— Тут ещѣ соседи попались — не приведи Господь.

Бабуля махнула рукой в сторону соседнего участка за крохотным брусчатым заборчиком. Участок был сплошь засажен картофелем и сорняками. Картошка клонилась к земле редкими пожухлыми цветочками. Жѣлтые листья её безжизненно обвисали. Зато сорняки не в пример цвели и крепили.

— Насаживали картошки, а следить не желают. Думают, сама она им тут и с сорняками разберѣтся, и с жуками этими. Ага. Вот эти стервецы на их картошечке и жиреют. А от них и к нам летят. В гости вроде. Вот и не выведем никак, — продолжала бабуля скорее добродушно, чем раздражѣнно. Натка вдруг непонятно почему почувствовала укол стыда.

Ба, дай помогу... — нерешительно попросила она. Бабуля глянула на неё испытующе.

— Ну, коли есть охота... Только учти, что кроме личинок тут ещѣ такие ребята попадают — жѣлтые да полосатые. Те уже взрослые жуки. Вот кто нам по — настоящему-то гадит. В смысле — плодится, ага.

Натка почувствовала, что поспешила, но отступить уже было некуда.

Минут через пятнадцать она вспылала лютой нелюбовью не только к противным жукам, обгладывающим и загадившим картофельные листья, но и к соседям, которые не желают следить за своим огородом.

Бабуля же весело напевала что-то и порхала между грядками. То Натка замечала её удобряющей золой землю вокруг капусты, то пѣстрая бабулина косынка мелькала в огуречных зарослях. Это был первый день, когда Натке не хотелось поскорее оказаться дома — подальше от кишашего всякими насекомыми мичуринского.

Работы хватило до позднего вечера. И только пришедший на дежурство дед прогнал Натку с бабулей домой. Дед сторожил мичуринский по ночам от желающих поживиться на халяву. По рассказам стариков, таких умников хватало, и спасу от них не было ни летом, ни зимой. Незваные гости имели дурную привычку не просто избавлять грядки от лишних овощей, но и переворачивать в домиках всё вверх дном. Правда, толку от дедовых постов было

чуть — уж очень он любил поспать. А если уж засыпал, то накрепко. Однажды воры повыдергали половину имевшегося на участке чеснока. Дед даже не проснулся. "Сюрприз" обнаружился, только когда подошло время идти домой завтракать. Кроме того, бабуля каждый раз строго - настрого наказывала деду ни в коем случае не высовываться, если воры появятся. Ладно, с ним, чесноком, ещё посадить можно, а деда второго где взять?

А вечером бабуле сделалось плохо. Подскочило давление, пульс участился. Отставив тонометр, которым пользовалась и утром и вечером, бабуля с кряхтением отправилась на кухню и без особого удовольствия проглотила целое ассорти из таблеток. Ночью у неё опять была бессонница. В полудрёме обеспокоенная Натка слышала скрип половиц и шелест страниц за стенкой. Бабуля коротала время за очередным детективом и обычной чашкой чая с мёдом.

Утром ситуация не улучшилась. Натка настаивала, чтобы бабуля осталась дома, и не поддавалась ни на какие деланно бодрые присказки вроде «старость — не радость» и «в наши-то годы не такое бывает, ага». На мичуринский она отправилась сама. И вот теперь сидела в домике, делая вид, что хлещущий за окном дождь её абсолютно не касается. Словно догадавшись о бесполезности попыток вывести Натку из себя, дождь прекратился так же внезапно, как и начался.

— То-то же, — хмыкнула Натка. Накинула дедову куртку, отыскавшуюся на чердаке, и вышла из домика. На улице похолодало. Грязные ручьи растекались по дорожкам. Необходимость поливать грядки отпала, личинки колорадского жука, не будь дурачём, спрятались или пали жертвами стихии.

— Ну и ладно, — решила Натка вслух, словно специально для кого-то невидимого. — Ну, и домой пойду.

Однако стоило ей дойти до ворот, как с неба начали падать редкие капли.

— Ну и что? — фыркнула Натка. — А у меня зонт есть, вот. Она действительно достала из сумки зонт, который в последний

момент сунула туда заботливая бабуля. Подумаешь, накрапывает. Совсем не страшно. Однако если Натка надеялась, что запасы воды в небесах на сегодня истощились, то она жестоко ошиблась. Ей удалось отойти на приличное расстояние и расслабиться окончательно.

Вот тут-то громыхнул гром и хлынул ливень. Натка стиснула зубы, но виду не подала. Даже стала насвистывать что-то веселенькое. На дороге было пусто: желающих погулять по такой погодке не наблюдалось. Только знакомая одинокая фигурка маячила вдалеке: прикрывшись пёстрым зонтом, навстречу Натке бодро шагала бабуля. Она приветственно замахала рукой. Когда Натка поравнялась с ней, бабуля пояснила с улыбкой:

— Не усидела: ну что дома-то делать? А па огороде хоть воздухом подышу, ага.

— А давление? — укорила Натка. Бабуля беззаботно отмахнулась.

— Да, полегчало вроде. Я же таблетки приняла, всё как доктор прописал. Действуют. Пойду я, а ты — давай домой, я там блинков напекла. На столе оставила, вместе с вареньем. Сама поешь да деда накорми, когда проснётся.

С этими словами бабуля снова махнула рукой — на этот раз на прощанье — и зашагала дальше. Натка постояла ещё немного, глядя ей вслед. Потом в сердцах топнула ногой.

— Ну, ты и вредина! Смотри, что из-за тебя творится, — непонятно, кому сказала Натка. Говорила она негромко, так что бабуля уже не могла её услышать. Да и не к ней Натка сейчас обращалась. С дождём, что ли, она разговаривает? Вот дурасть-то...

— Эгоист ты, вот что. Совести у тебя нет.

Дождь словно усовестился и начал понемногу утихать. «И чего это мне вздумалось, — подумала Натка. — Дожили: уже сама с собой болтаю. Нет, все, пора домой, к маме, к компьютеру. Точно-точно».

Натка закрыла ненужный уже зонт и ещё раз взглянула на удаляющуюся бабулю. Из-за туч выглянуло солнышко. Оно словно с заботой поддержало бабулю за руку тёплыми лучами. Натка тряхнула головой. Бр-р... Нет, точно, пора домой, в Томск.

Елена Маланина

* * *

Ты — как точка зрения на придуманный мир,
В котором нам суждено умереть вместе,
Смысл жизни дрожит в переливчатом слове «мы»,
Где слились я и ты в вечной жажде и в поисках места.

* * *

Забытые тобой прикосновенья
Я ощущаю размягчённой кожей.
Все чувства стали вдруг острее и тоньше,
И разум оказался в подчиненье.
Размыты мысли, ощущенья скупы,
В крови вином игривым бродит нежность...
Я выпала из жизни в долгий ступор
И вновь себе не ощущаю принадлежность.

* * *

Расползается осень бездонными лужами
По живущему бредом о небе городу,
Порыжели деревьев лохматые бороды,
И рассыпались листья иссохшими душами.
Люди прячут себя в складках тёплой одежды,
Консервируют чувства, и светлую память
И, оставив небу за себя плакать,
Словно листья сжигают всё, что было прежде.
Забывая ПРОСТИТЬся, расходятся в стороны,
Боль, упрятав под первым не тающим снегом,
Что безмолвным укором будет сыпаться с неба
На всех тех, кто не смог остаться влюблённым...

* * *

Боль смешалась с взъерошенной пылью дорог,
По которым с тобой мы бродили.
Мне стряхнуть бы её па твой мирный порог
И проклясть его... Но — любила...

* * *

Дождь заставил зонтами ошестиниться улицы
И в кошачьей истерике выгнуться мост,
Он смешался со слезами о том, что не сбудется,
И размыл то, что завтра скользнёт под откос.

Словно кто-то небо разрезал скальпелем
И позволил боли пролиться слезами.
Неурочные слёзы на нервы капали,
Но куда от них спрятаться, люди не знали.

И стекли маски с лиц под крупными каплями,
И привычный мир был размазан до грязи.
У окна некрасивые люди плакали,
И следы дождя на душе замазывали.

* * *

Чьё-то солнце пытается спрятаться за горизонтом.
Чьи-то звёзды насквозь продырявили небо, как зонтик.
Чьи-то жизни утеряны в чьей-то войне за правду.
Чей-то мир разбит и продан кому-то в награду.
Чьи-то люди пытаются жить чьими-то мыслями.
Чьи-то чувства прихотью обращают в зависимость.
И среди бесконечно присвоенных «я»
Я барахтаюсь слепо с немодной табличкой «ничья».

* * *

Уходишь, и спина красноречиво
Маячит на границе дня и ночи.
Ты растворяешься в закате, нечестиво
Провозглашая света власть — порочной.
Я остаюсь у рваной раны неба
Рыдать и красить тьмой одежды в чёрный,
И рассыпать мечты, как крошки хлеба,
И отгонять синиц, лихих до корма.
Когда же взрежет тьму стальной рассвет,
Вернёшься ты, такой же, но не прежний:
Теперь, во тьме перебродивший свет,
На всё готов ты лишь за луч надежды...

Арсений Семёнов (Северск)

Иван-царевич и баба Яга

Жил-был Иван-царевич. У него была жена — Василиса Прекрасная. Однажды они отдыхали на пиру. Вдруг все свечи погасли от дуновения струи холодного ветра, взявшегося ниоткуда. Вслед за этим появился Кощей Бессмертный, схватил Василису Прекрасную и замогильным голосом произнёс:

— Я отдам её за штуку баксов! Л если не принесёшь, она навеки моя!

И их как ветром сдуло.

Подумал-подумал Иван и пошёл на выручку своей любимой. Шёл он по дороге, думу думая: где он возьмёт деньги заморские? Вернулся он к своему родителю и просит:

— Батяня, дайте штуку баксов, жену выручить из Кощеева плена.

— Нет денег, иди к своим братьям, у них бизнес есть. Пришёл он к братьям, говорит:

— Займите, братцы, хочу выкупить жену. Те отвечают:

— Ты что, братан, с нас самих деньги трясут, долги растут, бизнес вот-вот лопнет!

Пошёл он, пригорюнившись, куда глаза глядят. И ноги вывели его сами на опушку леса, а там столб стоит. На столбе том надпись светится, человеческим голосом орёт-заливается:

— Соловей-разбойник — слева. Баба Яга — справа.

Царевич подумал: «С Соловьем связываться неохота, сил нету от страданий душевных». Вспомнил, что баба Яга Костяная Нога у него в долгу. Решил к ней идти. Пришёл. Глядь, а там заборище с красной кнопкой, с синей мигалкой. Иван-царевич перекрестился и вызвал старушку. Открылись ворота. А там коттедж стоит. На крыльце девушка сидит красы неписаной. У Ивана-царевича челюсть отвисла, губа раскаталась.

— Тебе чего надо, милоч? Не узнал подружку свою, бабулю - Ягу-лю? Скатай губу, милый!

Иван скатал губу, подобрал челюсть и говорит:

— Ну, ты, Яга, и даёшь! Что, имидж сменила? Или замуж собралась?

— О'кей, в Голливуде мне пластическую операцию сделали, вместо костяной ноги биотехнический протез вживили, алмазные зубы вставили... Зачем пожаловал?

— Бабуля, займи штуку баксов — жену у Кощея Бессмертного выкупить. Сочтёмся!

— Хорошо, Иван, помогу. За Кощея я давно замуж выйти хочу, глаз на него положила.

Баба Яга достала сотовый телефон и вызвала «мерседес». Быстро домчались они в Царство Кощеево. Рассчитались с Кошеем. Тут баба Яга не упустила своё счастье, сказала:

— Даю ещё штуку долларов. Кощей, возьми меня в жёны! Кощей обрадовался, тут же справили свадьбу. Был пир на весь мир. А кто там был, тому худо стало. Ну, а Иван-царевич с Василисой Прекрасной вернулись домой да зажили счастливо.

Наталья Соловьёва (Северск)

Две сестры, две Красные Кепки-Ксерокопии (Старая сказка на новый лад)

Где-то жили, не тужили две сестры, Красные Кепки-Ксерокопии. Была у них мама — крупная предпринимательница. Как-то раз она отправила их на операцию под кодовым названием «Горшочек» (а на самом деле они должны были отнести своей бабушке баксы).

Красные Кепки надели защитную униформу и пошли. Проходя мимо безобидной на вид полянки, девчонки решили сорвать бабуле маленький букетик цветов. Срывая двести пятый цветок, Кепки получили важное сообщение на пейджер о том, что в кустах находится неопознанный объект. Приняв позу «Лотоса» и настроив прибор ночного видения, Кепки-Ксерокопии спросили ласковым голосом:

— Ты кто?

— Я мышка, — ответил волк.

Прикинувшись шлангом, Серый узнал про операцию и послал их по длинной дороге, а сам побежал по короткой. Прошёл час. Лохматый сытно пообедал бабушкой и прилёт. Тут пришли девчонки и тихо постучали:

— Туки-туки.

— Хитотомы-хитотомы?

— Это мы, фантомасины!

«Ой, боюсима-боюсима», — подумал волк, а сам сказал:

— Входисима-входисима.

Сёстры-Ксерокопии ловко увернулись от падающего молотка и вошли в дом. Они сразу поняли, что от их любимой бабушки осталось одно только мокрое место, и, долго не раздумывая, подошли к кровати и приняли позу «кобры». Серый каким-то образом догадался, что он влип, и только попытался убежать, как Красные Кепки догнали его, дали пяткой в нос и проломили череп.

Мораль моей сказки такова:

«Мальчишки, не связывайтесь с девчонками!»

Евгений Ткачёв

Предатель

...а дом этот потом заколотили...

Дон сам съездил в Оковку и постоял возле дома. Окна были внахлест заколочены досками, а дверь была забита большой толстой фанерой. Огород уже зарос ковром сорняков и чертополоха, а драгоценная травка бабки Мариши, которую она старательно удобряла и поливала, была кем-то заботливо вырвана, затоптана и сожжена. Забор весь перекосячился и почернел.

Дон присел на чудом сохранившуюся скамейку и закурил. До следующего автобуса в эту богом забытую глухомань оставалось ещё полтора часа, а идти к знакомым и пить легендарный деревенский самогон не хотелось. Не дай бог, супружница дома учует — это же неделю потом не замолишь.

... он тогда уехал и узнал о случившемся только со слов Паштета, которого случайно встретил в городе. Паштет был вдрабадан пьяным, и всё время норовил отойти в кусты. Дону пришлось тогда волочить его па себе до общаги, где Паштет снимал комнату. И только там, присев на лавочке, и доканчивая непонятно какую по счёту бутылку пива, он рассказал Дону о последних событиях в Оковке.

Паштет с пьяной доверительностью заявил Дону, что его бывшая подружка - ну, эта, с которой Дон слюняво обнимался и целовался в классе девятом - десятом - одиннадцатом — оказалась внучкой ведьмы. Что её бабка — ну, бабка Мариша — оказалась старой колдуньей и тайком учила внучку своему ремеслу. Об этом многие догадывались, но молчали: бабка Мариша могла помочь, спину там вылечить или радикулит заговорить, но могла и порчу наслать или сглаз какой-нибудь. После этих слов Паштет отрубился, и Дону пришлось затаскивать его под бдительным оком старой вахтёрши, которая принюхивалась и злобно зыркала на Паштета, когда его прибило на откровения, и он громко заявил, что все старые ведьмы — суки и... Тут Паштет навалился на плечо Дона и захрапел. Дон свалил его на кровать, а сам сел возле окна. Спать не хотелось вообще...

Свою первую подружку Дон помнил смутно. Звали её, кажется, Динкой. Точно, Динкой. Динь - Дон — так звали их — в шутку, а когда и всерьёз — одноклассники. Также помнил Дон две озорные косички светлых волос, носик с веснушками и глаза — два бездонно-синих озера...
Всё.

На этом воспоминания исчерпывались.

Бабка Мариша сохранилась в памяти куда более явственно. Сухонькая маленькая старушка с паклей седых волос и сморщенным, как печёное яблоко, лицом. Вспомнился ещё цветастый платок, который она носила на плечах.

— Чё, вспоминаешь? — Паштет сидел на кровати с абсолютно трезвыми глазами — Вспоминаешь! — уже утвердительно заявил он. Дон сухо кивнул и отвернулся к окну. Светало.

— Ведьма она была, бабка Мариша, чертовка, — довольно сказал Паштет — и ещё Динку на это подбивала. У-у, суки они все. Ведьмы старые.

...Бабка Мариша умерла через восемь лет после того, как Дон переехал в город. Умерла страшно. Соседи говорили, что почти всю ночь в её доме что-то противно завывало и грохало, словно билась посуда. А наутро бабку Маришу нашли лежащей возле двери. Словно она убежать куда хотела, но не смогла.

В глазах у неё застыл ужас, но сама она улыбалась. Счастливо так и облегчённо. Врачи в голос твердили про сердце и про сердечный приступ, а деревенские шептались про нечистую силу. Мол, черти за ней приходили и уволокли ведьму старую прямо в пекло. Где ей, кстати, и место, Оковский батюшка — пузатый и борода лопатой — просто запретил хоронить бабку Маришу на кладбище. Не место бесовке и ведьме среди набожных покойничков. А похоронить можно и в сторонке. И отпевать он не согласился...

— А Динка тогда пед закончила и в школе нашей преподавала, — рассказывал Паштет. — Стала за место Таисии. Ты же помнишь, что это была мечта её жизни — детей мучить и голову ерундой забивать. Она класс пятый или шестой вела. Я точно не помню. А после смерти её бабки ей трудно пришлось. Да ещё и отец Евлампий пороху в огонёк подкидывал. Мол, как

может внучка ведьмы учить таких диточек. Она же им всю веру замутит и испоганит. А ты наших богопослушных помнишь...

...Старые бабки шептали всем, что Динку нужно шугануть из школы. Пусть в город едет. Уж там-то много безбожников. Какие деньги зарабатывают, но не могут иконку или образок какой купить и в своей квартире безбожной повесить. Нехристи. А одна бабка просто пришла и во время урока обозвала Динку ведьмой и уволокла свою любимую, ненаглядную и ревущую во весь голос внученьку за руку. Динка тогда плакала и отпустила всех детей домой раньше времени.

Дальше — хуже. Оковские

же мужики не дураки выпить — у нас каждый день праздник, а самогон гонят в каждой третьей хате. Ну, выпили, всё нормально, закусили символически, и тут одному в хмельной мозг как ударит: — Мать моя женщина! У нас же внучка ведьмы живёт. Непорядок. — Ну, они и пошли к Динкиному дому (а она ведь у своей бабки была прописана), долго что-то горланили, а потом начали бутылками и камнями закидывать. Динка вышла было их урезонить, а её уже и матом отборным покрыли, и бутылкой пустой запустили. Промажнулись. Выпили всё же изрядно...

— А менты на это даже не прореагировали. Динка заявление писала — они «потеряли». Козлы, — закончил Паштет. На столе стояла сковородка с жареной картошкой, и Паштет с урчанием начал поглощать завтрак.

— А она мне верила, — сухо сказал Дон, уныло ковыряя вилкой.

— В классе одиннадцатом говорила, что только на меня может рассчитывать. Больше не на кого. Ну, ещё бабка Мариша. Были родители... они же погибли, когда ей лет десять было. Верила мне и бабке Марише, — повторил он и, посмотрев на Паштета, добавил — Чем всё кончилось? Рассказывай до конца.

— Выжили её, — печально сказал Паштет. - Когда на тебя вся Деревня ополчилась — тут так взвоешь. И во всех бедах стали её винить. Чуть что случится — сразу Динька среди виновных на первом месте. Она долго терпела, с полгода, что ли. Не хотела с классом расставаться. Дети её всё-таки любили. А потом не выдержала. Выставила дом на продажу и в город собралась. В деревне долго этому радовались. Динка уехала, адом...

...а дом этот потом заколотили.

Дон сам съездил в Оковку и постоял возле дома. Окна были внахлест заколочены досками, а дверь была забита большой, толстой фанерой. Огород уже зарос ковром сорняков и чертополоха, а драгоценная травка бабки Мариши, которую она старательно удобряла и поливала, была кем-то заботливо вырвана, затоптана и сожжена. Забор весь перекосялся и почернел.

А Динка ведь верила в него. Говорила, что только на него может рассчитывать. Но он уехал и оставил её одну... Получилось, что он её просто кинул. А проще говоря — предал...

Татьяна Трифонова
(Северск)

Брошенной

Талисман уплывающих викингов!
Песней вёсельной плачешь в ночь.
Как пустые бочонки выкинуть
На пол северных ветров дочь!
Тихо голову поднимаешь,
Подставляешь морям глаза.
Мир до кончиков понимаешь...
А домой уходить нельзя.

* * *

Мне выпасться дальше, чем ты ходил.
По меньшей мере, хотя бы ночь.
На южных площадках земных седин
Танцую — не южная вовсе дочь.
Ракушка в истоме прикрыла рот,
Полуденный сон, как моря, любя.
И плачет за девять земных валов
Одеяло для одного тебя.

* * *

Ты — жизнь моих утренних ощущений,
Когда я встаю, открываю окна
И ветер ловлю молодыми губами,
И щурю глаза молодому мужчине
По имени Небо.

* * *

Дети ноги повынули из гнезда,
Животы затагнули покрепче.
Ничего, если жизнь не бывала зла —
Уступала... Объятыя женщин Отпускающих!
Дальше, бери борьбу И шныряй за девятым валом.
Я тебя всё равно, всё равно найду,
Тебе больше не будет мало!
Тонко-тонко губами волос коснусь,
Тихо, просто, по-человечьи.
Даже изгородь делать всерьёз возьмусь:
Беззащитны глаза овечьи.
Дочереют ночи — так говорят —
И глаза твои сыновеют...
Я тебе вседозволена, детокрад.
Ты ребёнок, а детям — верят.

* * *

Ветер звёзды всю ночь сыпал.
Ты тогда уже был сед.
Ты таким уходил с тыла,

С самых первых полос газет.
Пел, но сильным, бессильным голосом.
Пеплом сыпался юный пыл.
Десять пальцев пускал в волосы.
Кофе долго стоял. Стыл...

* * *

Я не могла б нарисовать
Осенний горизонта росчерк,
И возрожденье новых почек
Не мне по веткам рассовать.
Я онемевших ног Христа
Слезами горя не омыла.
Я не смогла б отнять креста,
Как не смогла б у птицы — крылья.
И я — дощечка в том кресте,
Жестоким обновленьем вбита. ...
То бытия, а то и быта
Молило время на холсте.

Внезапное

Кашлянул... будто бы хрустнул мел....
Тонкое тление вечной веры.
Люди живут и живут без меры.
Месяц от боли бел.

Татьяна Трифонова (Томск)

Будни «чистого города»

Рассвело. На крышах дома весело защебетали воробьи, и большой мусорный бак сладко потянулся. «Доброе утро!» — пробасил он своим соседям. Но как только он произнёс эти слова, в него с грохотом влетел мешок с протухшей рыбой. «Ничего себе!» — возмутился сосед. «Злости на них не хватает!» — сказал другой. «Да как они смеют так со мной обращаться! Без меня бы... да без меня бы их вообще на свете не было!» — рявкнул пострадавший. «Мы тут им и то, и сё, а они даже спасибо не скажут. Разве нельзя аккуратней? Копаются тут каждый день! А недавно так и плюхнулась в меня одна выпившая особа, её долго не могли вытащить. А всё потому, что я не хотел её отпускать, не часто удаётся побыть в такой весёлой компании!» — продолжал старый бак. Другие же ему поддакивали, внимательно слушая, то, сочувствуя, то веселясь.

Тут они услышали грохот мусороуборочной машины, и прошлый разговор был сразу забыт. «Вот ещё один наш враг! — яростно прохрипел большой бак. — Он кормит какое-то большое чудище, забирая у нас пищу, а вместе с ней и нашу славу, хотя чистота города — наша заслуга. Мы — Самые Главные Служители Чистоты, а нас так запросто и вверх тормашками!» Не успел проговорить он эти слова, как «враг» поднял его и вытряхнул. За другом последовали остальные. После отъезда машины возмущённые баки перестали ругаться и вытянулись на солнышке. Осознавая собственную значимость, они задремали.

Люди, спеша на работу, скидывали в них пакеты и пакетики. Кошки с собаками забирались внутрь, чтобы полакомиться вкусными обрезками. Подходили вовсе странные, но уже знакомые личности, каждый день выбиравшие из баков то, что не каждой собаке было бы по вкусу.

Вдруг с хохотом и бранью к бакам подбежала группка подростков. Они стали ронять баки на землю и разбрасывать вокруг их содержимое. «Мы вас не трогаем! — испуганно кричали баки. — Мы вам служим!» Но ребятня уже удалялась, слыша только собственные вопли. Люди проходили мимо, не обращая внимания на всхлипывания и стенания Служителей Чистоты. Баки лежали, поверженные и оскорблённые.

Юлия Трифонова

Уважение

На главной площади города старик-солдат стоял на коленях и протягивал руку, прося милостыню.

По своим делам проходило множество людей, по никто не замечал старика. А может быть, многие и замечали, но кому-то до него не было дела, а кому-то вообще было неприятно на него смотреть.

Он был одет в грязные жалкие лохмотья; в большой седой бороде его запутались крошки чёрствого хлеба. На войне старый солдат потерял ногу. Его неумытое сморщенное лицо выглядело совсем нелепо здесь, в центре города, среди шарма и роскоши.

В час «пик» на площади стало совсемлюдно. Прохожие ненароком толкали старика, он при этом падал. Все спешили, больно задевали старика своими сумками, спотыкались о него, бросая при этом недоброжелательные взгляды. Наконец какой-то хулиган плюнул в протягиваемую стариком руку.

Старик печально поднял глаза к небу, простёр к солнцу руки и прошептал: «Господи! И за что мне такая ниспослана кара? Разве я это заслужил? Я прошу совсем немного — чтобы люди относились ко мне с уважением!»

В ответ на это солнце ярко блеснуло над головой старика, и... через мгновение он превратился в статую. Эта каменная статуя была точной копией солдата: так же протянутая рука, тот же грустный взгляд. А под статуей была табличка: «Старик, просящий милостыню».

Все проходили мимо, и каждый останавливал взгляд на скульптуре, каждый ею восхищался и хвалил изумительную работу. А главное, никто ни разу не задел её сумкой, никто не посмел плюнуть на постамент.

Ничего не видно

Я иду домой из магазина. Снег застилает всё вокруг: очертания домов, гаражей и машин становятся еле различимыми.

А мне вдруг хочется заглянуть за эту снежную пелену и увидеть мир таким, какой он есть. Я начинаю всё больше вглядываться в белый занавес, не замечая того, что он постепенно становится всё менее прозрачным. В это время, как бы из-под занавеса, прямо на меня выныривает здоровенный мужик. Я на всей скорости в него врезаюсь. Мужик ошеломленно орёт: «Разуй глаза, слепшарая! Не видит, куда прёт!» Затем мужик исчезает в пелене снегопада, а я осмеливаюсь крикнуть вдогонку: «Сам разуй! Болван...» Но я не рассчитала. Через мгновение из-за занавеса вновь показываются всклокоченная борода и красный нос картошкой. «Чё-о?!» — орёт он снова. Я в ужасе отпрыгиваю, скрываясь в снегопаде.

Я поёживаюсь и, не зная, почему, достаю из кармана какие-то копейки. Начинаю считать. В этом, должно быть, есть что-то нервное: ничего покупать я не собираюсь и к тому же точно знаю, что у меня осталось всего десять рублей.

Пока я замерзшими пальцами неловко перекладываю мелочь из одной ладошки в другую, пятак вдруг падает в рыхлый снег. Он мне совсем не нужен, но с досады я наклоняюсь и безуспешно его ищу. Досада сменяется детской обидой.

В это время ко мне из-за занавеса выходит привлекательный молодой человек.

«Девушка, вы что-то потеряли? — спрашивает он равнодушно. — Вам помочь?»

«Нет, спасибо, я сама», - отвечаю я угрюмо, и человек тут же скрывается из виду.

На меня вновь находит досада, и я, пребывая в самом глупом положении, кричу: «Эй, вернитесь! Мне нужна помощь!»

Парень был не дурак. Он сделал вид, что находится уже настолько далеко, что не слышит меня.

Я устало поднимаюсь. Снег летит мне прямо в глаза, попадает за шиворот. В плохом настроении добредаю до дома...

P.S.: Я не знаю, что вы подумаете, прочитав этот рассказ. Но я за это на вас очень обижусь или хотя бы сделаю вид, что обиделась.

«Но почему?» — спросите вы.

А я вам что-нибудь отвечу, надеясь, что вы всё равно не услышите.

Елена Шомас

Мечта

Посвящается Саши и Мерабу.

В детстве у меня была мечта — стать прекрасной принцессой. Одним взмахом роскошных ресниц решать судьбы...

Чтобы величайшие люди притаскивали мне богатые дары, а я, презрительно оттопырив губу, морщила свой носик и отсылала их прочь: мол, нас, принцесс так задёшево не покупают, извольте ещё прибахлеться, и уж тогда милости просим...

Чтобы добры молодцы, совершали во имя меня подвиги, а я бы плевала на все их усилия...

Чтобы при одном звуке моего имени все девушки грохались в обморок от зависти и потом не вставали...

Я мечтала стать принцессой всегда. Сидя на уроке и тщетно пытаюсь понять объяснения учителя, жуя пятую шоколадку от стресса, во время профилактического битья кота. Даже проходя мимо ржавого «Запорожца», без колёс, но охраняемого злой псиной, не пускающей молодёжь в близлежащие кустики, такие уютные и удобные на вид, я представляла принцессу на прогулке, с многочисленной свитой, которая так забавно пытается угодить, ещё не зная, что на вечер назначена казнь... Когда звучала музыка, я представляла королевский бал, шуршащие платья, духоту, небрежное обмахивание веером, ничего не значащую улыбку, томно закаченные глаза, выверено оголённую ногу, почти не ощущаемый флирт и, конечно, бокалы с пьянящей кока-колой... Стоя под душем, я видела водопад, чувствовала благоухание цветов и такую любимую ухмылку рядом... Смотрясь в зеркало, я представляла себя другой, со смуглой кожей, с роскошными локонами и с обжигающе холодным взглядом, ранившим не одну тысячу сердец...

Потом я выросла. И поняла, как обломалась.

Лирическое

Девочка была милой, жизнерадостной и почти счастливой. Она легко ступала по жизни, утопала в мечтах. Она ни во что не верила и с наибольшим ожесточением отрицала любовь, находя поистине убийственные доводы в пользу её невозможности. Пока сама не влюбилась. В глазах зажгётся озорной огонёк, с губ не сходит шаловливая улыбка. В мечтах существовал лишь он, сосед по парте, так и не сумевший расстаться с детством. Девочка стала интересоваться школой, готовить уроки и даже вставать утром ещё до звонка будильника. Любовь завладела ею, определяя все поступки и заставляя закрывать глаза на все гадости, которые ей делали с огромным удовольствием. Пока однажды она не пошла с возлюбленным на каток. Он, неудачно затормозив, сбил девочку и плюхнулся сверху. Момент показался ей особенно романтичным, и она на одном дыхании произнесла: «Я тебя люблю». Ответная реакция — белым личиком да об лёд: «А я тебя нет. Прости, красавица». Девочка улыбалась. Мне плохо?! Нет, мне хорошо! Девочка дошла до остановки и даже услышала заботливое: «Дура, надень шапку. Друг менингита!» Девочка улыбалась всё шире и почти с истерическим смехом залезла в маршрутку, помахав возлюбленному. Кондукторша удивлённо смотрела на одинокую пассажирку, глотающую слёзы. Ночь особо не запомнилась. В школе сосед не вспоминал вчерашнее происшествие, и девочка опять была почти счастлива. Неделя прошла спокойно...

Екатерина Юдич

Набокофф

Предстояла лёгкая закуска. Он прочистил горло, потрогал пальцами дыхательный выступ на шее и, раздвинув губы, осторожными зубами оторвал от булки значительную её часть, величиной примерно с горошину. Еще у него были три мягких яйца, сваренных всмятку, и любимый огурец из русской лавки. Грязная рука немца протянула ему в качестве прибавочного продукта десять тысяч молекул колбасы. Он покорно съел и булку, и яйца, и молекулы — а огурец? Огурец, смеясь, выкинули в окно, признав в нём намёк на любовь ко всему зелёному и гладкому. Он вздохнул: это был его любимый, желанный огурец, вкус которого напоминал солоноватый вкус пота под мышками, когда работаешь в яблоневом саду под жарким слизистым солнцем... Поезд шел медленно — почти не шёл. Немцы и женщины, его соседи по купе, ели, брызгая слюной, всякую трупную гадость вроде мясных кубиков и с треском костей в плечах отплясывали танцы. Он тихонечко сидел в самом углу (жаль, что это был не пятый угол) и прикрывал лицо Тютчевым. Неожиданно с полки упал чемодан. По теории Достоевского он упал именно на него, но никак не на спящего около молодого человека, примечательного лишь отсутствием бровей. Когда поезд стал подъезжать к чему-то, все захотели играть в «сломай-мне-паль-цы». Игра была глупой, и потому он, конечно, проиграл. Его как проигравшего заставили съесть окурков. Наконец, все вышли на природу, в лес, где его тут же избил, объясняя это тем, что они всего-навсего защищают его хрупкое, не стеснённое костюмом тело от мух и оводов. Он добродушно улыбнулся, получил каблуком под глаз и ушёл к озеру. В озере колыхались облако и башня. На том месте, где за несколько денежных штук можно было взять на пятиминутный прокат лодку с супердырявым дном, стояла жёлто-деревянная постройка. В ней жил маленький старикашечка из книги братьев Гримм. Но ему ли до этого дело! Немецкая природа. Она... она такая чудная, особенно на красочно-германских ярких открытках со стекольными бликами. Было бы хорошо остаться здесь до конца своих дней, но лишь только до конца своих дней — не больше. Впрочем, ему всё равно не позволили. Они схватили его под локти, усадили в лодку головой вниз и понесли к поезду. «Вы не смеете!» — орал он, барахтаясь в собственном теле. Его привезли обратно в Берлин. Он был, сердит, свиреп, в негодовании — разбит, словом. Долго вымышляя новое имя, он написал, наконец, с отчаянием и злобой: «Василий Иванович», сложил рукопись пополам — и дату, дату поставил. После он долго смеялся над Тютчевым, терзал его стихи, трогал подвижное горло и плакал. Это был Набокофф.

Илья Юшковский

Конец света

Небо было хмурое и мрачное, потому что собирался дождь, или дождь собирался, потому что небо было хмурое и мрачное. Это не важно. Важно то, что я далеко от дома, а зонта нет. Уже пятнадцать минут покапывает мелкий дождь. Но он становится всё сильнее и сильнее и скоро превратится в ливень. Ну вот, ливануло! Сильный дождь с мелкими градинками забарабанил по земле. Маленькие лужицы быстро слились воедино, злые мошки, преследовавшие меня всю дорогу, отстали. Такие сильные дожди не часто навещают наш маленький пыльный город. Я прохожу мимо большого красивого университета. Ошалелые студенты, прикрывшись, кто, чем может, бегут к остановке. Я, весь мокрый, весело шлёпаю по лужам. Зачем мне бояться дождя, ведь я ещё не взрослый. Вода быстро заполнила дорогу, а остановка находилась на другой стороне. Те студенты, которые ещё не повзрослели, весело хохочут и шутят, а те, которые уже вступили во взрослую нудную жизнь, с досадой смотрят на мокрую одежду и ругаются. Бывшие серьёзные и важные профессора теперь с хохотом пробегали ту громадную лужу, что залила дорогу и которую нельзя обойти. Если наступить в эту лужу, её вода дойдёт до голени. Профессора смеялись и шутили. Иначе бы они выглядели глупо. Представьте себе такую картину: маленький, толстенький, сердитый человечек, в очках, с надутыми щеками, с чемоданчиком в руках, ругаясь и дёргаясь, бежит по луже. Смех, да и только! Вот поэтому профессора и стараются выглядеть весёлыми. А может, им и в самом деле весело. Вместе с хохочущими студентами я перебежал ту огромную лужу и был уже под крышей остановки. Когда подошёл автобус, толпа весёлых и мокрых людей быстро наполнила его. Так как я был самым младшим среди всех пассажиров, мне удалось юркнуть между двумя здоровыми парнями и сесть около бабушки, которая всё время что-то бормотала. Так как автобус пришёл пустым, места хватило всем. Дождь всё набирал силу.

— Да, весёленький апокалипсис, — бодро сказала бабушка.

— Что такое апокалипсис? — спросил я.

— Ну, это конец света. Знаешь про Великий Потоп? — спросила она меня, — ну так

вот, сейчас, наверное, второй. А я-то думала, что будут крики, стоны, плач; а вокруг — хохот, шутки и веселье.

Я знал, что есть такие бабушки, которые каждый день предсказывают конец света. И я представляю, какая для них радость, что их предсказание сбылось. Я посмотрел в окно. От колёс машин шли большие волны. Вода уже стала заливать тротуар. Выходившие люди шутили: «Поближе к тротуару, пожалуйста, а то я плавать не умею», — или: «Здесь уже катера, а не автобусы нужны!» Какую сильную перемену в людях сделал этот дождь! Злые и сердитые, они превратились в добрых и весёлых. На моих глазах кто-то уступил место бабушке, а я помог одному гражданину залезть в автобус, не наступив в лужу. И вдруг... Дождь прекратился. Я вышел из автобуса и пошёл домой. Наверное, Бог заметил перемену в людях от дождя и решил отложить конец света.

Высшее существо

Ярко светило солнце, пуская по морю солнечные зайчики.

Море было спокойно. Оно играло маленькими волнами, которые тихо перекатывались, когда на поверхности воды никого не было, и громко радостно шумели, когда мимо проплывало какое-нибудь судно. Волны весело смеялись, играя солнечными бликами, а иногда отражали свет солнца прямо в лицо, заставляя щуриться.

Это место — далеко от берега, поэтому вода здесь тёмно-синяя. Да, это красивый, приятный для глаза цвет, но если подумать, ЧТО под поверхностью воды... какая там страшная глубина!

Синий цвет постепенно переходит в чёрный: холодный, неприятный. Сразу хочется думать о другом...

«Так представляется людям подводная жизнь океана. Но это неверно», - сказала однажды мать своим детям. — Люди — наши самые заклятые враги. Они жадные и злые. Хорошо, что они не живут под водой. Иначе жизнь океана бы замерла. Они очень опасны — опаснее дельфинов, китов. Но сейчас вы со мной, и вам нечего бояться».

Мелкие рыбёшки заметались в восторге, радуясь, что они неуязвимы.

Одна подплыла к матери и задумчиво сказала: - Да, мама, человек — страшный, жестокий и жадный. Но всё равно, мне кажется, что он — высшее существо. Любознательность и разум позволяют ему делать великие открытия, разгадывать тайны. Где только не был человек! Это удивительное существо. Он может чувствовать себя птицей, паря по большому волнующему небу, рыбой, опускаясь в железной оболочке на дно океана, существом, которого никто ещё не видел и не знает, плывя в тихом спокойном космосе».

— Не спорю, человек может чувствовать себя любым существом. Кроме одного — кроме себя самого. Очень мало на свете людей, которые бы чувствовали себя людьми и вели бы себя по-людски. Конечно, не многих я видела. Но за время, что существует подводный мир, мы замечали в человеке всё то, о чем я сказала.

— Но, всё же, мама, как хорошо было бы парить по небу, как люди! Ловить крылом воздушный поток, плавно менять направление полёта. Это... всего лишь моё представление о полёте, ведь я никогда не летала. Жаль, что я рыба!

— Дочь моя, — сказала ласково мать. — Космос, небо и океан — это почти одно и то же. Птицы и рыбы очень близки.

— Что же общего между этим прекрасным небом, космосом и морем?

— Небо и космос, как и океан, - красивые манящие пространства, куда влечёт всей душой. Они безбрежны. Они просто бесконечны! Даже цветом похожи: море и небо - тёмно-синие. В этих пространствах живут миллионы различных организмов. Не завидуй птицам, ведь и они завидуют тебе, малышка. Завидуют твоей способности плавать и жить под водой. В небе столько же опасностей, как и в океане... А людей нельзя называть высшими существами. Они не знают того, что знаем мы.

— Чего же? — взволнованно спросила дочь.

— Космос — такой же таинственный, загадочный мир, как и океан. Человек не знает и частицы всего Мироздания. Но мы это знаем, потому что мы — его часть, мы здесь живём. Теперь скажи, разве человек — такое уж идеальное существо? Нет, он причиняет природе столько вреда, как ни одно другое существо на свете.

— Mam, а откуда ты знаешь про космос?

— Когда-то меня поймали в сети вместе с сотнями, тысячами моих сородичей. Но сеть оказалась худая: когда её доставали из моря, я упала не на палубу, а в бочку с морской водой. Там я прожила несколько дней. К бочке то и дело подходили двое — старый и молодой. Они курили и тихо переговаривались. Старый рассказывал молодому про космос и небо. Потом бочку нечаянно опрокинули, вода вся вылилась, и я снова оказалась в море, на свободе.

— Здорово, — задумчиво сказала дочь. — Mam, а ведь неплохо, что мы с тобой рыбы, правда?..

Содержание

Анастасия Ануфриева (<i>гимназия № 6, 6 класс</i>)	4
Ирина Банных (<i>школа № 23, 9 класс</i>)	9
Кристина Будько (<i>гимназия № 2, 7 класс</i>).....	24
Сергей Гужихин (<i>школа № 34, 8 класс</i>)	27
Кирилл Камнев (<i>ТПУ, 3 курс</i>).....	28
Анастасия Кошельская (<i>школа № 78, Северск</i>)	29
Алексей Куцевич (<i>18 лет, п. Мирный</i>)	31
Юлия Исаева (<i>школа № 78, Северск</i>)	35
Анна Ляпкина (<i>ТПУ, 3 курс</i>).....	37
Елена Маланина (<i>школа № 12, 9 класс</i>).....	42
Арсений Семёнов (<i>школа № 78, Северск</i>)	44
Наталья Соловьёва (<i>школа № 78, Северск</i>)	46
Евгений Ткачёв (<i>ТПУ, 3 курс</i>).....	47
Татьяна Трифонова (<i>общеобразовательный лицей, 10 класс, Северск</i>)	51
Татьяна Трифонова (<i>школа № 23, 7 класс, Томск</i>)	53
Юлия Трифонова (<i>школа № 23, 9 класс, Томск</i>).....	54
Елена Шомас (<i>Томский гуманитарный лицей, гр. 112</i>).....	57
Екатерина Юдич (<i>гимназия № 1, 11 класс</i>).....	59
Илья Юшконский (<i>школа № 16, 9 класс</i>).....	60

Работали над выпуском книги:

АВТОРЫ

(тексты печатаются в авторской или авторизованной редакции);

Ольга СУББОТИНА (иллюстрации);

Александр РУБАН (составление, грамматическая правка, набор, макет, компьютерная вёрстка).

Книга отпечатана в учебно-производственной типографии Томского государственного университета.

Тираж — 150 экз.